

ГРЕГОРИАНЕЦ

ПО МОТИВАМ ДЮМА

Мэри Джейн
Lexx

Грегорианец

Мэри Лехх

Грегорианец. Четвёртый

«Алекс Нагорный»

2019

Lexx М. Д.

Грегорианец. Четвёртый / М. Д. Lexx — «Алекс Нагорный»,
2019 — (Грегорианец)

Парень двадцати лет, с провинциальной планеты, стремится покорить мир и отправляется поступать на службу к Императору. Встречает друзей, попадает в гущу придворных интриг и невольно участвует в событиях, послуживших причиной развязки войны меж двух империй. Погони и заговоры преследуют друзей, некоторые из которых хранят свои тайны и скрываются под иными личинами...

Содержание

Глава 1. Грегорианец	5
Глава 2. Легионеры Императора	16
Глава 3. Знакомство	23
Глава 4. Драка, и что она доказывает?	35
Глава 5. Абсурд	45
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Мэри Джейн Лехх Грегорианец. Четвёртый

Глава 1. Грегорианец

Эту систему планет, расположенную на задворках Содружества, и поделённую на две равнозначные части, давно отнесли к разряду важнейших, способных влиять на стабильность целого региона галактики, по ряду причин. Одна из них – это военные силы втянутые в противостояние двух Великих Домов, сконцентрированные в двух враждующих лагерях на орбитах планет.

Что именно не поделили соседи, давно не интересно никому, но сам факт отвлечения серьёзных сил нервирует. Обитаемая «Луна», а точнее крохотная планета Грег, входит в состав одной из империй, как провинциальная и консервативная, живущая под постоянным прессингом боевых действий. Однако имперские традиции соблюдаются, а привычки населения никогда не меняются.

В этот светлый день, радующий жителей небольшого, но уютного города, лучами звезды Олн, происходило странное событие, грозящее перерасти в хаос или баталию со смертоубийством.

Некоторые из горожан при виде женщин, бегущих в сторону Главной улицы и слыша крики детей, доносившиеся с порога ультрасовременных и уютных жилищ, торопливо надевали нейроскафандры и бронированные экзодоспехи, вооружались кто рельсотроном, кто штурмовым импульсником, кто плазмогенератором или статусным, фамильным оружием, например, палашом с молекулярной заточкой и неизменным плазменным контуром, чтобы придать себе более воинственный вид. Устремлялись к отелю «Преданный Клерик», перед которым уже собралась внушительная толпа любопытных, пополняющаяся с каждой минутой.

– Какого лешего творится?

– Счас кое-кто отхватит!

– На публичные тяготы его!

Все орали чёрте что.

В те времена такие волнения – обычное явление, и редкий день тот или иной город не мог занести в свою историю подобное. Знатные из благородных родов сражались друг с другом. Император воевал с кардиналом, инсэкты из вида насекомых противостояли империи. Но, помимо такой войны – тайной, или явной, скрытой, или открытой, – существовали и воры, и нищие, и рептилоиды, бродяги и наёмники, воевавшие сразу со всеми. Горожане вооружались против воров, бродяг, против прислужников, нередко – против зазнавшихся благородных, время от времени – против самого императора, но против кардинала или инсэктов – никогда.

Именно в силу этой закоренелой традиции или в следствии привычки, горожане, услышав шум и не увидев бардовых плащей Адептов герцога Лау Гише, устремились к единственному отелю «Преданный Клерик», что находится в непосредственной близости, или даже на территории космопорта.

Только там стала ясна причина поднятого раздрая и беспорядочного столпотворения вооружённых горожан и обычных зевак.

Парень, точнее молодой человек, лет восемнадцати... Представьте себе странного бойца с принадлежностью к непонятному роду войск. Без экзоброни, наколенников и налокотников, с единственным тактическим монокуляром, завязанным на персональную нейросеть. В обычной куртке с минимальным бронированием, цвет которой давно потерял тона задуманные производителем. Продолговатое смуглое лицо с выдающимися скулами, как признак хитроумной

натуры, жевательные мышцы сильно развитые – явный и неотъемлемый признак, по которому можно сразу определить грегорианца, взгляд открытый и умный, высоковат для парня и мал для зрелого мужа и воина.

Человек, впервые увидевший его мог запросто ассоциировать с пустившимся в путь обывателем, если бы не длинный палаш на статусной портупее, бившийся о ноги своего владельца когда он шёл пешком и царапавший и без того обшарпанные элементы обвеса лайтфлая.

Ибо у нашего парня человека наличествовал лайтфлай, и даже столь примечательный, что и впрямь был всеми увиден и оценён. Это старое побитое и выдавшее жизнь средство передвижения, стремившееся скинуть футуристические обтекатели при первом удобном случае, превратившись в сооружение из двигателя, сиденья и кучи технических элементов, показывающихся наблюдателям во всей красе.

Лайтфлай этот, хоть и работал с перебоями, все же способен покрыть за день приличное расстояние. Это качество, к несчастью, настолько заслонено его исцарапанным видом и облупившейся окраской, что в те годы, когда все знали толк в гравитационном транспорте, появление вышеупомянутого произвело столь неблагоприятное впечатление, что набросило тень и на самого владельца.

Осознание этого факта тем острее задевало молодого Лау Дартина, так зовут нашего юношу, что он не пытался скрыть от себя, каким бы хорошим наездником он не был, насколько выглядит смешным на подобном флайте. Недаром он оказался не в состоянии подавить тяжёлый вздох, принимая этот дар от Лау Дартина – отца.

Он знал, что цена такому лайтфлаю самое большее двадцать тысячных кредита. Зато невозможно отрицать бесценность слов, сопутствовавших при передаче выдавшей баталии, некогда великолепной и самой передовой боевой машины.

– Мальчик мой, – произнёс грегорианский дворянин с тем чистейшим акцентом, от которого Легг Омель не мог избавиться до конца своих дней. – Сын мой, флайт этот, увидел свет, сойдя с конвейера лет тринадцать назад, и все эти годы служил нам верой и правдой, что должно расположить вас относиться с бережной теплотой к нему. Не продавайте его ни при каких обстоятельствах. И, если вам придётся пуститься на нем в поход, щадите его, как вы щадите бы старого слугу. При дворе, – продолжал Лау Дартин-отец, – в том случае, если вы будете там вдруг приняты, на что, впрочем, вам даёт право древность нашего рода, поддерживайте ради себя самого и ваших близких честь вашего благородного имени, которое более пяти столетий с достоинством носили предки. Под словом «близкие» я подразумеваю ваших родных и друзей. Не покоряйтесь никому, за исключением Императора и Кардинала. Только мужеством и никак иначе, единственно мужеством, дворянин в этот век может пробить себе путь. Кто испугается или смалодушничает хоть на мгновение, скорее упустит случай, что в это мгновение ему предоставляла фортуна. Вы молоды и обязаны стать храбрым по двум причинам: во-первых, вы грегорианец, и, помимо прочего, вы сын своего отца. Не опасайтесь случайностей и ищите приключений. Я дал вам возможность научиться в совершенстве владеть палашом. У вас железные мышцы и стальная хватка. Бейтесь по любому поводу, сражайтесь на дуэлях, тем более что они запрещены и, закономерно, необходимо быть мужественным вдвойне, чтобы драться. Я могу, сын мой, дать вам с собою всего пятнадцать сотых кредита, боевой лайтфлай, нейрокоммуникатор, запас инъекторов и тактический блок-монокуляр, плюс по мелочи. Нейросеть, установленную с учётом благородного происхождения, и советы, которые вы только что выслушали. Воспользуйтесь всем этим и проживите счастливо и как можно дольше... Мне остаётся добавить ещё только одно, а именно, указать пример – не на себя, ибо я никогда не бывал при дворе Великого Дома и участвовал лишь в походах против инсэктов в экспедиционных силах Содружества. Имею в виду уважаемого Лау Вельера, который некогда являлся моим соседом. В детстве он имел честь играть с нашим Императором, Легг Валтимором. Зачастую их безобидные игрища переходили в драку, и в них перевес оказывался не всегда на сто-

роне вышеупомянутого наследника Великого Дома. Полученные взбучки внушили императору огромное уважение и дружеские чувства к благородному Лау Велю. А позже, во время первого своего визита в Гранж, столицу Великой Империи Гранжир, господин Лау Вель дрался с другими, после смерти покойного императора отца и до совершеннолетия молодого, целых семь раз, не считая войн и походов, а со дня совершеннолетия и до сегодняшнего момента – все сто! И недаром, невзирая на эдикты, приказы и постановления, он сейчас глава Клериков, то есть имперского легиона, который высоко ценит Легг Валтимор и которого побаивается даже сам Лау Гише со своими Адептами. А он ничего боится, как все знают. Кроме того, господин Лау Вель получает десять тысяч кредитов в год, имеет самые передовые импланты и неограниченный доступ к основным информационным базам империи. Следовательно, весьма солидный вельможа. Начал он так же, как вы. Явитесь к нему с этим персональным файлом, следуйте его примеру и действуйте так же, как он.

После этих слов пожилой грегорианский дворянин вручил сыну свой палаш, прозрачный носитель-карту с посланием, нежно расцеловал парнишку в обе щеки и благословил.

При выходе из рабочего кабинета отца, совместившего ультра современный дизайн с раритетными элементами мебели и вооружением по стенам, украшенным барельефами битв с инсэктоидами, юноша встретил свою мать. Прощание с которой длилось дольше и гораздо нежнее, чем с хозяином отчего дома, не потому, что глава не любил сына, который стал единственным детищем, а потому что Лау Дартин-старший мужчина и счёл бы недостойным дать волю своим чувствам, тогда как госпожа Дартин всё таки женщина и мать. Она горько плакала, и нужно признать, к чести Лау Дартина-младшего, что, как ни старался он сохранить выдержку, достойную будущего Клерика императорского легиона, чувства одолели, и он пролил немного мужских, точнее юношеских слёз, которые ему удалось, и то с большим трудом, спрятать только наполовину.

В тот же день юноша пустился в путь, покорять имперскую столицу, со всеми подарками, состоявшими, главным из которых счёл послание на носителе для Лау Вельера. Советы, понятно, не в счёт. Снабжённый таким внушительным напутствием, Лау Дартин как телесно, так и духовно точь-в-точь походил на героя, юношу и воина неясной принадлежности, с которым мы его столь удачно сравнили, когда долг рассказчика заставил нас набросать его портрет. Молодой благородный каждую улыбку принимал за оскорбление, а весёлый ухмыляющийся взгляд за вызов. Поэтому всю дорогу помнил о фамильном палаше, сжимая кулаки не менее десяти раз на день хватался за великолепный эргономичный эфес. И всё же его кулак не раздробил никому физиономию, а палаш не покинул ножен.

Правда, вид злополучного лайтфлая, как и военной куртки странной расцветки и бронирования не раз вызывал улыбку на лицах попадающихся людей, но, так как о исцарапанные борта бился внушительного размера клинок в ножнах, а ещё выше поблёскивали глаза, горевшие не столько гордостью, сколько гневом, прохожие подавляли смех, а если уж весёлость брала верх над осторожностью, старались улыбаться одной половиной лица, словно древние маски. Молодой грегорианец, сохраняя величественность осанки и абсолютный запас запальчивости, добрался до злополучного космопорта, где предстояло запастись сертификатом для беспрепятственного перелёта на столичную планету и далее в столицу Гранж, одноимённой империи Гранжир.

Но у самых ворот «Преданного Клерика», сходя с лайтфлая остался без внимания хозяина бара, администратора или техперсонала, которые должны определить транспорт в свободную ячейку стоянки, Лау Дартин в открытой панорамном окне второго этажа приметил благородного высокого роста и серьёзного вида. Человек этот, с лицом надменным и неприветливым, что-то говорил двум спутникам, что, казалось, уважительно и с почтением слушали его.

Юноша, по обыкновению, сразу же предположил, что речь идёт о нем, и напрягся, пытаясь услышать речь. На этот раз он не ошибся или ошибся только отчасти, ведь говорили не о

нем, а о его боевом лайтфлае. Незнакомец, по-видимому, перечислял все достоинства, а так как слушатели, как я уже упоминал, относились к нему весьма почтительно, то раздражались хохотом при каждом слове благородного оратора.

Принимая во внимание, что даже лёгкой улыбки уже достаточно для выведения из себя нашего героя, нетрудно представить, какое действие произвели на него столь бурные проявления веселья. Лау Дартин, прежде всего захотел рассмотреть физиономию наглеца, позволившего себе издеваться над ним. Он вцепился гордым взглядом в незнакомца и увидел человека лет сорока, с черными пронизательными глазами, бледным лицом, крупным носом и черными, весьма тщательно подстриженными усами. Одетый в лёгкий нейроскафандр и неизменный атрибут всех без исключения благородных – плащ. Заметил лампасы бордового цвета, без всякой вычурной отделки. Всё хотя и новое, всё же сильно потрёпано, как те самые дорожные вещи, долгое время не подвергающиеся молекулярной или нано-очистке. Грегорианец всё уловил с быстротой тончайшего наблюдателя, возможно, также подчиняясь инстинкту, подсказывавшему ему, что этот человек сыграет значительную роль в его жизни.

Итак, в то самое мгновение, когда Лау Дартин остановил свой взгляд на человеке, тот отпустил по адресу боевого лайтфлая одно из своих самых изощренных и глубокомысленных замечаний. Слушатели разразились смехом, и по лицу говорившего скользнуло, явно вопреки обычному, бледное подобие улыбки. На этот раз не могло быть сомнений: Лау Дартину несомненно нанесли настоящее оскорбление.

Преисполненный этого сознания, он надвинул на глаза тактический монокуляр и, стараясь подражать придворным манерам, которые подметил у знатных путешественников, шагнул вперёд, схватившись одной рукой за эфес палаша и подбоченясь другой. К сожалению, гнев с каждым мгновением усиливался и ослеплял парня все больше и больше. В результате, вместо гордых и высокомерных фраз, в которые собирался облечь свой вызов, оказался в состоянии произнести лишь несколько грубых слов, сопровождавшихся азартной, неконтролируемой, обидной жестикующей.

– Эй, уважаемый! – заорал он. – Вы! Да, вы, надменный придурок у окна! Пояснить причину веселья не желаете? Огласите, и мы обхохочемся вместе! Или стесняетесь?

Благородный бледнолицый медленно перевёл взгляд с лайтфлая на наглеца-оратора. Казалось, он не сразу понял, что это к нему обращены столь непрогнозируемые жесты и упреки. Затем, когда у него уже не могло оставаться сомнений, брови слегка нахмурились, и он, после довольно продолжительной паузы, ответил тоном, полным непередаваемой иронии и надменности:

– Я с вами не разговаривал, – отмахнулся тот. – Вали, или огребёшь на сухарики!

– Парадоксально, а я разговариваю с вами! – воскликнул юноша, возмущенный этой смесью наглости и изысканности, учтивости и презрения. – Рога давно не обламывал? Надеешься на усиливающие импланты? Эй уродец!

Незнакомец ещё несколько мгновений не сводил глаз с Дартина, а затем, исчезнув, возник на входе в отель, что занимал верхние этажи бара, и остановился в двух шагах от юноши, прямо против объекта спора, лайтфлая. Спокойствие и насмешливое выражение лица еще усилили веселость его собеседников, продолжавших наблюдение из окна.

Грегорианец при его приближении вытащил палаш из ножен на несколько сантиметров, демонстрируя хорошо отточенный металл, на молекулярном уровне.

– Этот транспорт задумывался таким или, вернее, его нашли на ближайшей свалке, и после неудачно отремонтирован, – продолжал незнакомец, обращаясь к слушателям, оставшимся у окна, и словно не замечая раздражения Дартина, несмотря на то, что молодой грегорианец стоял между ним и его собеседниками. – Цвет, весьма распространенный в растительном мире, и мире ржавчины, до сих пор редко отмечался у боевых машин.

– Слышь? Ты не на столичной планете. Ржёшь над экипировкой, баблом своим сверкая! – воскликнул в бешенстве истинный грегорианец. – У тебя хоть мужество имеется?

– Уважаемый, смеюсь я, крайне редко, – произнес незнакомец учтиво и одновременно снисходительно. – Вы могли бы заметить это по выражению моего лица. Но я надеюсь сохранить за собой право смеяться, когда захочется. А насчёт бобла и нейроимплантов... Хм...

– В таком случае, я, – невозмутимо продолжил Дартин, – возражу, резко и мучительно, и заткну смех в пасть, когда я этого не желаю!

– Да ладно? Так всё серьёзно? Я вроде не грубил особо, – переспросил незнакомец еще более спокойным тоном. – Что ж, это вполне справедливое замечание безбашенного юнца.

И, повернувшись на каблуках, он направился к транспортной площадке периметра отеля, у которых наш парень, еще подъезжая по гравинаправляющей артерии, успел заметить свежий флайтвариор, готовый сорваться в путь.

Но не такой природы Лау Дартин, чтобы отпустить человека, имевшего дерзость насмехаться над ним. Он полностью вытащил палаш из ножен и бросился за обидчиком, крича ему вслед:

– Развернись сучара, обернитесь-ка, уважаемый, чтобы мне не пришлось ударить вас сзади! Некрасиво получится и меня не оправдают на комитетах собраний старших!

– Ударить меня? Ты вообще нормальный? – воскликнул незнакомец, круто повернувшись на каблуках и глядя на юношу столь же удивлённо, сколь и презрительно. – Что вы, что вы, голубчик, вы, верно, умом тронулись! Я ж тебя разделаю, как кухарка мясо!

И тут же, вполголоса и словно разговаривая с самим собой, он добавил:

– Вот печалька! Такая находка для его императорского величества, ищущего храбрецов, для пополнения рядов своих Клериков имперского легиона. И так бездарно себя преподносящий.

Он ещё не договорил, как Дартин сделал яростный выпад, такой что, не отскочи незнакомец вовремя, эта шутка оказалась бы последней в его жизни. Вельможа понял, что история принимает серьёзный оборот, выхватил шпагу, контур которой незамедлительно начал отливать голубоватым свечением плазмы, поклонился противнику и в самом деле приготовился к защите.

– Начнём пожалуй... – не договорил.

В этот самое мгновение, оба его недавних собеседника, сопровождаемые хозяином комплекса и вооруженные обычными битами, накинулись на Дартина, осыпая его градом ударов.

Это непредсказуемое нападение моментально изменило течение поединка, и противник грегорианца, воспользовавшись моментом, когда тот повернулся, чтобы грудью встретить дождь сыпавшихся на него ударов, все так же спокойно сунул статусную шпагу обратно в ножны, предварительно деактивировав плазменный контур. Из действующего лица, каким он чуть не стал в разыгравшейся драме, незнакомец перешёл в свидетеля – роль, с которой успешно справился, с присущей вельможе, знающему себе цену, обычной невозмутимостью.

– Достали эти вспльчивые грегорианцы, торпеду вакуумную им в дом! – пробормотал он. – Посадите-ка его на ту рухлядь, и пусть убирается к чертям собачьим!

– Может чуть позже, когда я разделаю тебя, урод с длинным носом! – выкрикнул Дартин, стоя лицом к своим трём противникам и по мере сил отражая удары, которые продолжали сыпаться градом.

Уходы и выпады – вот то, что увидели подбежавшие горожане.

– Грегорианское бахвальство! – пробормотал незнакомец. – Клянусь честью, они неисправимы! Эта порода всё чаще добывается расположения Императора. Что ж, всыпьте ему хорошенько, раз он этого хочет. Когда он выдохнется, он сам скажет. Не поверю, что импланты у него последнего уровня прокачки, если вообще есть. Ведь он истинный Грегорианец!

Но незнакомец ещё не знал, с каким упрямым он имеет дело. Лау Дартин не таков, чтобы просить пощады, несмотря на отсутствие усиливающих модификантов в организме. Парень полагался на природную выносливость, дарованную каждому уроженцу их крохотной планеты, с аномально высокой силой тяготения, делающей тела сильнее, кости прочнее, реакцию выше чем у любого подготовленного военного. Несмотря на всё это, сражение продолжалось с переменным успехом, хотя, быть может и благодаря этому факту происхождения парня.

Вскоре молодой грегорианец, обессилев, выпустив из рук палаш, который переломился под ударом тяжёлой биты, находившейся в руках такого же грегорианца, но более зрелого и от того более сильного. Следующий удар рассёк ему лоб, и он упал, с залитыми кровью глазами и почти потерял сознание.

К этому времени народ сбежался со всех сторон к месту происшествия. Хозяин с администратором, опасаясь лишних разговоров, с помощью подручных и технарей, унесли раненого внутрь, где ему оказали кое-какую помощь.

Незнакомец между тем, вернувшись к своему месту у панорамного окна, с явным неудовольствием поглядывал на толпу, которая своим присутствием чрезвычайно раздражала этого спокойного и однозначно знатного вельможу.

– Х-м. Как чувствует себя этот одержимый юнец? – поинтересовался, повернувшись при звуке раскрывшейся двери, и обращаясь к хозяину комплекса, пришедшему осведомиться о его самочувствии.

– Ваше сиятельство, как вы? Надеюсь, целы и невредимы? – парировал вопросом визитёр.

– Вполне, мой милейший хозяин. Но я желал бы знать, что с нашим молодым человеком.

– Ему теперь гораздо лучше, – собеседник ухмыльнулся. – Он почти совсем потерял сознание, но...

– В самом деле? – переспросил благородный гость.

– Но перед этим он, собрав последние из оставшихся сил, звал вас, выражался довольно грубо и требовал удовлетворения.

– Это точно беспредельщик! – буркнул незнакомец.

– Не совсем так, ваше сиятельство, – возразил хозяин, презрительно скривив губы. – Мои люди обыскали его, пока он находился в отключке. В вещах оказалась всего одна сорочка, а в кошельке – одиннадцать сотых кредита. Однако, несмотря на этот факт, он, теряя сознание, твердил, что, случись эта история в Гранже, вы бы раскаялись тут же на месте, а так вам придётся пожалеть чуточку позже.

– Значит это, наверняка, переодетый принц по крови, – холодно заметил незнакомец. – Так разве бывает?

– Я посчитал необходимым предупредить вас, ваше сиятельство, – вставил хозяин, – чтобы вы стали предельно внимательны. Всё в этом мире возможно!

– В пылу гнева он никого не называл? Может промелькнули имена знатных благородных из столицы?

– Обязательно называл! Похлопывал себя по карману и повторял: «Посмотрим, что скажет господин Лау Вель, когда узнает, что оскорбили человека, находящегося под его покровительством».

– Тот самый Лау Вель? – проговорил незнакомец, насторожившись. – Похлопывал себя по карману, называя имя Лау Веля?.. Ну и, почтеннейший хозяин? Полагаю, что, пока наш юноша пребывал без чувств, вы не побрезговали заглянуть также и в этот кармашек. Что же в нем находилось?

– Файл на карте памяти с посланием, адресованном господину Лау Велю, командующему легионом имперских Клериков.

– Да что вы говорите, какая поразительная новость? – деланно всплеснул руками незнакомец.

– Абсолютно так, как я имел честь докладывать вашему сиятельству, – поклонился хозяин.

Этот человек, не обладавший излишней проницательностью, не принял во внимание, какое выражение появилось при этих словах на лице знатного гостя. Отойдя от панорамного окна с видом на город, испещрённый трассами гравитраспортных артерий и коридорами для летательных аппаратов, о косяк которого он до сих пор опирался, вельможа озабоченно нахмурил брови.

– Зараза! – процедил он сквозь зубы. – Неужели Вель подослал ко мне этого грегорианца? Уж очень он юн! Но удар палашом, это удар палашом, как ни крути и возраст того, кто его нанесёт не имеет значения. А мальчишка внушает меньше опасений. Случается, что мелкое, своевременно учинённое препятствие способно помешать достижению великой цели. Незнакомец задумался на несколько минут, полностью отрешившись от общества хозяина.

– Послушайте! – обратился он наконец. – Не возьметесь ли вы оградить меня от этого придурочного? Прикончить его мне не позволяет совесть, а между тем... – на лице благородного вельможи появилось выражение холодной жестокости, – а между тем он мешает мне. Где он находится?

– В комнате моей ненаглядной, на втором этаже. Ему делают восстановительные инъекции и профилактику регенеративных функций организма.

– Вещи всё ещё при нем? Он не снял своего подобия военной экипировки?

– Всё на месте, внизу. Но раз этот юный сумасброд вам мешает...

– Разумеется. Он причина беспрецедентной суматохи в вашей гостинице и не только, которая беспокоит порядочных граждан содружества. Отправляйтесь к себе, приготовьте счёт и предупредите моего слугу.

– Как? Ваше сиятельство уже покидает нас? – хозяин расстроился и не скрывал этого.

– Об этом вас уведомили ранее, или нет? Я ведь приказывал подготовить флайтвариор. Разве распоряжение не исполнено до сих пор?

– Исполнено. Ваше сиятельство может убедиться.

– Вот и славно, тогда сделайте, как я сказал.

«Вот так штука! – подумал хозяин. – Уж не испугался ли он мальчишки?»

Но повелительный взгляд незнакомца остановил поток его мыслей. Он подобострастно поклонился и вышел.

«Только бы этот проходимец не увидел Лигетту, – подумал незнакомец. – Она скоро должна быть. Пока даже запаздывает. Лучше всего мне будет выдвинуться ей навстречу... Если б только я мог узнать, что изложено в файле, адресованном Лау Велю!..»

Продолжая шептать что-то про себя, незнакомец удалился.

Хозяин между тем, не сомневаясь, что именно присутствие юнца заставляет незнакомца покинуть гостиницу, поднялся в комнату супруги. Дартин почти окончательно пришел в себя. Намекнув на то, что имперская полиция может к нему придраться, так как паренёк затеял ссору со знатным вельможей, а в том, что незнакомец знатный вельможа, владелец комплекса не сомневался, хозяин постарался уговорить молодого Дартина, несмотря на слабость и тошноту, подняться и отправиться заниматься отлётом на столичную планету.

Грегорианец, ещё полуоглушённый, повязкой на голове, встал и, тихонько подталкиваемый радеющим за спокойствие хозяином, начал спускаться с лестницы. Однако первым, кого увидел, переступив порог комнаты и случайно бросив взгляд в окно, оказался его обидчик, спокойно беседовавший с кем-то, стоя у подножки навороченного гравикара.

Его собеседница, голова которой виднелась в окне, это молодая девушка лет двадцати, может двадцати двух. Мы уже упоминали о том, с какой быстротой Дартин схватывал особенности человеческого лица.

Он прекрасно видел, что дама молода и красива. И эта красота тем сильнее поразила его, что совершенно необычна для планеты Грег, где юноша жил до сих пор. Это белокурая девушка с длинными локонами, спускавшимися до плеч, с голубыми томными глазами, с розовыми губками и нереально белыми, руками. Она о чем-то оживленно беседовала с знатным незнакомцем.

– Подытожим, его высокопреосвященство чётко указывает, скорее приказывает мне... – говорила дама.

– ...немедленно вернуться в империю Рош и сразу же прислать сообщение, если герцог покинет Роклэнд.

– А остальные распоряжения?

– Вы найдёте их в этом кофре, который вскроете только пересекая границу империи, получив код доступа.

– Прекрасно. Ну, а вы что намерены делать?

– Я возвращаюсь в Гранж.

– Не проучив этого дерзкого мальчишку?

Незнакомец собирался ответить, но не успел и рта раскрыть, как Дартин, слышавший весь разговор, предстал перед собеседниками на транспортной площадке комплекса.

– Этот дерзкий мальчишка сам сейчас навалит по полной программе напыщенному господину! – зло выдал он. – И очень надеюсь, что тот, кого он собирается нахлобучить, на этот раз не свалит и не прикроется слугами.

– Не скроется? – переспросил незнакомец, нахмурившись.

– На глазах у прелестной леди, я полагаю, вы не решитесь свалить?

– Не забывайте... – остановила вельможу лигетта, видя, что тот хватается за эфес шпаги. – Малейшее промедление может все испортить, или даже погубить!

– Вы правы, – поспешно произнёс. – Летите куда вы там собирались.

Поклонившись девушке, вскочил в седло, а пилот гравикара активировал двигатели и дал полную тягу, срываясь с площадки в общий транспортный поток. Незнакомец и его собеседница разлетелись в противоположные стороны от отеля.

– А кто оплатит по счетам? – завопил хозяин, расположение которого к гостю изменилось радикально и превратилось в презрение при виде того, как тот удаляется, не заплатив и сотой доли кредита.

– Заплати, бездельник! – успел крикнуть, не останавливаясь слуге, который поднёс универсальный коммуникатор к прозрачному планшету хозяина и выдвинулся вслед за своим господином на скоростном лайтфлае.

– Тоже мне благородный, трусливая тварь! – сплюнул вгорячах Дартин, бросаясь, в свою очередь, на так и оставшийся на площадке свой потрёпанный лайтфлай. – Ещё и благородный. Кусок уroda.

Однако юноша оказался слишком слаб, чтобы перенести такое потрясение. Не успел пробежать и десяти шагов, как в ушах у него зазвенело, голова закружилась, кровавое облако заволокло глаза, и он рухнул среди пешеходного рукава, не переставая кричать:

– Тварь! Тварь! Тварь!

– И действительно, жалкая тварь! – проговорил хозяин, приближаясь к грегорианцу, стараясь лестью заслужить доверие парня и обмануть его, как цапля обманывает улитку.

– Да, ещё и трусливый, – прошептал юноша. – Но зато она – необыкновенна и просто великолепна до умопомрачения!

– Кто она? – недоуменно переспросил трактирщик.

– Лигетта, – проговорил Дартин и вторично упал без сознания.

Грегорианец не придавал значения их нейроимплантам, завуалированным и не подавшимся сканированию его сетью, несомненно лучшей, дарованной когда-то Великим Импе-

ратором отцу Дартина для передачи сыну. Принадлежавшей правящему дому, способной на многое, если подходить к делам с умом. Тактические и информационные базы шли полным комплектом, но об этом обстоятельстве отец никогда не упоминал.

– Ничего не поделаешь, – вздохнул хозяин. – Двоих клиентов я уже упустил. Зато могу быть уверен, что этот пробудет несколько дней. Одиннадцать сотых кредита я все же заработаю.

Мы знаем, что одиннадцать сотых полноценного имперского кредита это все, что оставалось в доступе Дартина.

Хозяин рассчитывал, что этот юноша проболует одиннадцать дней, платя по одной сотой в день, но он не звал своего молодого гостя. На следующий день Дартин поднялся в пять часов утра, самостоятельно спустился в холл, попросил достать ему кое-какие инъекции, точный список которых не открывал никому, к ним добавил хорошего вина и какго-то редкого грегорианского масла. Самостоятельно лечил свои многочисленные раны, сам менял повязки, делал инъекции не допуская к себе никого. Вероятно, что благодаря подготовке и великолепных свойствах своего организма к регенерации, а также имперской нейросети высочайшего уровня, и благодаря отсутствию врачей Дартин, в тот же вечер поднялся на ноги, а на следующий день оказался совсем здоровым.

Но, расплачиваясь за вино, то единственное, что потребил за весь день юноша, соблюдавший строжайшую диету, тогда как обслуживание лайтфлая, по утверждению хозяина, поглотило в три раза больше средств, чем можно предположить, считаясь с его раритетом, Дартин обнаружил пустой счёт. Карта памяти с посланием, адресованным Лау Велю, исчезла.

Сначала юноша искал её тщательно и терпеливо. Раз двадцать выворачивал карманы и обшаривал контейнеры одежды, снова и снова проверял свой дорожный кофр. Но, убедившись окончательно, что всё исчезло, пришел в такую огромную ярость, что чуть снова не явилась потребность в вине и покое с потреблением инъекций, ибо, видя, как разгорячился молодой гость, грозит в пух и прах разнести всё в этом заведении, если не найдут его карту памяти, хозяин вооружился дубиной и призвал слуг, администраторов, всех свободных от смен.

– Где, дери его с болтом, карта с моей рекомендацией! – неистово кричал Дартин. – Найдите мне его, торпеду в сопло без прогрева! Или я насажу вас на рельсотрон, как инсэктоидов!

К досаде, некоторое обстоятельство помешало юноше осуществить угрозу. Как мы уже излагали, палаш его оказался сломан в первой схватке, о чем он успел совершенно забыть.

Это досадное обстоятельство не остановило бы нашего юношу, если бы хозяин сам не решил наконец, что требование гостя справедливо.

– А действительно, – произнес он. – Куда же делась карта памяти?

– Да! Именно такой вопрос на повестке! – согласился Дартин. – Предупреждаю вас: это информация для самого Лау Веля. Если пропажа не найдется, то он заставит найти, уж будьте уверены!

Эта угроза подействовала на хозяина, ведь после императора и кардинала имя господина Лау Веля, пожалуй, чаще всего упоминалось не только военными, но и гражданами содружества. Существовал еще, правда, некий отец, но его имя произносилось не иначе как шепотом: так велик казался страх перед «серым Адептом», личным другом кардинала Лау Гише.

Отбросив незамысловатое оружие, знаком приказав подручным сделать тоже самое, хозяин сам подал добрый пример и занялся поисками послания.

– Разве в нём находились какие-нибудь ценные сведения? – спросил он после бесплодных поисков.

– А ты думал, я с ним так, для красоты таскаюсь! – проорал молодой грегорианец рассчитывавший на личное послание, чтобы пробить себе путь при дворе. – В нем заключалось все мое состояние, это к слову.

– Галактические кредосы? – осведомился хозяин.

– Кредосы на получение денег из личного казначейства его величества, – ответил Дартин, который, рассчитывая с помощью послания поступить на имперскую службу, счёл, что вправе, не обманывая никого, выдать этот самую малость рискованный ответ.

– Твою жестянку! – витиевато выразился хозяин, пребывая в полном отчаянии.

– Но это не столь важно, – продолжал юноша со свойственным грегорианцу апломбом, – это не так неважно, а деньги истинный пустяк. Само послание, вот единственное, что имеет значение. Я предпочёл бы потерять тысячу сотен кредитов, чем утратить его!

С тем же успехом он мог бы назвать любую из сумм, но его удержала юношеская скромность.

Внезапно словно луч света сверкнул в мозгу хозяина, который тщетно обыскивал все помещения.

– Письмо вовсе не потеряно! – подвёл он в итоге.

– В смысле? – удивился парень и вытянул в изумлении лицо.

– Нет. Оно банально украдено.

– Вполне может быть, а кем по-вашему?

– Вчерашним неизвестным благородным. Он посещал место, где лежала амуниция и оставался там один. Бьюсь об заклад, что это дело его рук!

– Уверены? – неуверенно произнёс Дартин.

Ведь ему лучше, чем кому-либо известно, что карта памяти имеет значение только для него самого, и он не представляет себе, чтобы кто-нибудь мог на него позариться. Несомненно то, что никто из находившихся в отеле в тоже самое время, как и никто из слуг, попросту не могли извлечь какие-либо выгоды из этого послания.

– Подведём итог. Вы сказали, что подозреваете этого наглого незнакомца? – переспросил юноша.

– Я говорю вам, что уверен в этом, – подтвердил хозяин. – Когда я сказал ему, что вашей милости покровительствует господин Лау Вель, и что при вас есть послание к этому досто-славному вельможе, он сильно забеспокоился. Поинтересовался, где находится, и немедленно отправился к вашим вещам.

– Тогда похититель он! – озадачился Дартин. – Я уведомя Лау Виля, а он императора!

Затем, с важностью вытащив из кармана два пластиковых жетона, наличной и самой мелкой единицы валюты в империи, протянул хозяину, который, проводил его до подготовленного к транспортировке лайтфлая.

Парня ожидало путешествие на межпланетном лайнере до космопорта столицы империи. Стазисом пользоваться нужды не возникло, по причине непродолжительного по времени перелёта. Посему, молодой человек занимался штудированием карт города и его окрестностей, тратя отпущенное с несомненной пользой.

По прибытию Лау Дартин продал не вписывающийся в столичную атмосферу транспорт, выиграв незначительную сумму на первое время. При этом едва не поцапался с ростовщиком покупателем.

Итак, Дартин вступил в Гранж пешком, неся под мышкой кофр, и бродил по хитросплетениям пешеходных рукавов и магистралей между мегахолами по столичным улицам до тех пор, пока ему не удалось снять комнату, соответствующую его скудным средствам. Это помещение представляло собой уютное гнёздышко по понятиям провинциала со всем набором мебели, удобств и технических приспособлений домашнего обихода, без которых современный человек не мыслил своего существования.

Внеся задаток, грегорианец сразу же перебрался к себе и весь остаток дня занимался работой, приводя в порядок потрёпанную амуницию. Затем съездил в отведённый квартал, где оружейники приняли и восстановили клинок к палашу, починив систему плазменного контура.

После этого доехал с многочисленными пересадками до центральной части столицы и у первого встретившегося Клерика из легионеров императора поинтересовался, где находится особняк или резиденция уважаемого Лау Веля. Оказалось, что резиденция расположена в другой части города и совсем близко от места, где поселился Лау Дартин. Данное обстоятельство парень истолковал не иначе, как предзнаменование успеха.

Довольный своим поведением в отеле, не раскаиваясь в прошлом, веря в настоящее и полный надежд на будущее, грегорианец лег и уснул. Проспал, как добрый провинциал, до девяти утра и, поднявшись, отправился к достославному Лау Велю, третьему лицу Империи Гранжир.

Глава 2. Легионеры Императора

Господин Лау Вельер, имя, которое еще продолжают носить его родичи на планете Грег, или Лау Вель, как он в конце-концов стал называть себя в Гранже, путь свой и в самом деле начал так же, как Лау Дартин, то есть без гроша в кармане, но с тем же запасом дерзости, остроумия и находчивости, благодаря которому даже самый бедный грегорианский благородный, питающийся одними надеждами на родительское наследство, нередко добивался большего, любого столичного дворянина, опиравшегося на реальные блага. Дерзкая смелость, как и более дерзкая удачливость, в то время, когда удары шпаг и залпы импульсников сыпались градом, возвели его на самую вершину лестницы, именуемой придворным успехом, по которой он взлетел, шагая через три ступеньки.

Он являлся истинным другом императора, как всем известно, глубоко чтившего память его отца. Ведь отец Лау Веля так преданно служил ему в войнах против инсектоидов. За недостатком наличных денег, коих всю жизнь не хватало грегорианцу, все долги оплачивал острыми шутками и выходками, чего ему не приходилось занимать. Единственное, что за недостатком этих самых средств, как мы уже высказывались, император позволил ему после освобождения Гранжа, включить в свой герб и герб Великого Дома. Плюс, неограниченный доступ в имперские базы данных, слишком дорогостоящие, если приобретать их за собственные средства.

Это несомненно являлось большой честью, но чертовски малой прибылью. Умирая, главный соратник великого императора, оставил в наследство сыну всего только шпагу и герб. Благодаря этому наследству и своему чистому имени, Лау Веля приняли ко двору молодого принца, где он доблестно служил своей шпагой. Один из лучших фехтовальщиков империи, обычно говорил, что, если бы кто-нибудь из его друзей собрался драться на дуэли, он посоветовал бы ему пригласить в секунданты первым его, а вторым Вельера, которому, пожалуй, даже следовало бы отдать предпочтение.

Император-отец питал настоящую привязанность к грегорианцу. Правда привязанность императорскую – эгоистическую, но все же привязанность. Дело в том, что в эти трудные времена высокопоставленные лица вообще стремились окружить себя людьми такого склада, как Лау Вельер. Много нашлось бы таких, которые могли считать своим девизом слово «сильный» – вторую часть надписи на гербе Велей, но мало кто из благородных мог претендовать на эпитет «верный», составлявший первую часть этой надписи.

Вельер это право имел. Он являлся одним из тех редких людей, что умеют повиноваться слепо и без рассуждений, как верные псы, отличаясь сообразительностью и крепкой хваткой. Глаза служили ему для того, чтобы улавливать, не гневается ли на кого-нибудь император, а рука и нейроимпланты с вариативной имперской сетью предназначены разить. Вельер до сих пор не доставало только случая чтобы проявить себя, но он выжидал его, чтобы ухватить за вихор, лишь только случай подвернется. Недаром император-отец и назначил его командующим своих Клериков имперского легиона, игравших для него ту же роль, что ординарная охрана.

Кардинал, со своей стороны, в этом отношении не уступал к императору. Увидев, какой грозной когортой избранных окружил себя Легг Валтимор, этот второй или, правильнее, первый властитель Гранжира также пожелал иметь малую армию. Поэтому он обзавелся собственными Адептами, как Легг Валтимор обзавелся своими, и можно спокойно наблюдать, как эти два властелина-соперника отбирали для себя во всех гранжирских планетах людей, прославившихся своими ратными подвигами.

Случалось очень часто, что Лау Гише и Легг Валтимор по вечерам за партией в шахматы спорили о достоинствах своих воинов. Каждый из них хвалился выправкой и смелостью последних и, на словах осуждая стычки и дуэли, втихомолку подбивал своих телохранителей к

дракам. Победа или поражение их Клериков доставляли им непомерную радость или подлинное огорчение.

Так, по крайней мере, повествует в своих памятных записях и файлах человек, бывший участником огромного числа этих побед и некоторых поражений.

Лау Вельер разгадал слабую ноту своего повелителя, и этому был обязан неизменным, длительным расположением императора Валтимора, который не прославился постоянством в дружбе. Вызывающий вид, с которым он проводил парадным маршем своих Клериков легиона перед кардиналом Лау Гише, заставлял в гневе щетиниться седые усы его высокопреосвященства. А количество модификантов и нейростимуляторов и вовсе зашкаливало.

Вельер до тонкости владел искусством войны того времени, когда приходилось жить либо за счет врага, либо за счет своих соотечественников. Солдаты его составляли собственный легион сорвиголов-Клериков, повиновавшихся только ему одному, что служило причиной откровенной зависти.

Вечно пьяные, небрежно одетые – в исцарапанной нейроброне, повреждёнными и наспех отремонтированными броневыми латами, и потрёпанной повседневной амуниции, Клерики императора, или, вернее, Вельера шатались по барам, по злачным местам и гоняли на лайт-фляях вопреки полиции, орали, бряцая шпагами и с наслаждением задирали Адептов кардинала, когда те встречались им на дороге.

Затем из ножен с тысячью прибауток выхватывалась шпага.

Случалось, их убивали, и они падали, убежденные, что будут оплаканы и отомщены. Чаще же случалось, что убивали они, уверенные, что им не дадут сгнить на планете изгоев-штрафников, в тюрьме. Вельер, разумеется, вытащит их. Эти люди на все голоса расхваливали Лау Вельера, которого обожали, и, хоть все они были отчаянные головы, трепетали перед ним, как школьники перед строгим учителем, повиновались ему по первому слову и постоянно готовились умереть, чтобы смыть с себя малейший его упрек.

Господин Вельер пользовался этим мощным рычагом на пользу императору и его приверженцам, а позднее и себе, как и своим друзьям. Впрочем, ни из каких записей того времени не следует, чтобы даже враги, а их существовало у него немало как среди владевших пером, так и среди владевших абордажным палашом и рельсотроном. Чтобы и враги обвиняли этого достойного мужа в том, будто тот брал какую-либо плату за помощь, оказываемую его верными солдатами.

Владея способностью вести беседу не хуже искуснейших интриганов, он оставался честным человеком. Более того, несмотря на изнурительные перелёты экспедиционных планетарных сил, на все тяготы военной жизни, он являлся отчаянным искателем веселых приключений, изощреннейшим дамским угодником, умевшим при случае щегольнуть изысканным мадригалом. О его победах над женщинами ходило столько же сплетен, сколько двадцатью годами раньше о сердечных делах Лиеепая, а это кое-что значило. Командующий легионерами имперских Клериков всегда вызывал восхищение, страх и любовь, а другими словами, достиг вершин счастья и удачи.

Легт Валтимор поглотил все мелкие созвездия своего двора, затмив их своим ослепительным сиянием, тогда как отец его Олн, предоставлял каждому из своих любимцев, каждому из приближенных сиять собственным блеском. Кроме утреннего приема у императора и у кардинала, в Гранже происходило больше двухсот таких «утренних приемов», пользовавшихся особым вниманием. Среди них, утренний прием у Вельера собирал наибольшее число посетителей. Количество боевиков и флайтвариоров на посадочных площадках стояло неупрото.

Его резиденция, расположенная в старой части мегагорода, походила на блок-базу экспедиционных сил содружества уже с шести часов утра летом и с восьми часов зимой. Человек двести или тысяча Клериков, видимо сменявшихся время от времени, с тем чтобы число их

всегда оставалось внушительным, постоянно расхаживали по двору, вооруженные до зубов и готовые на всё.

По самодвижущейся лестнице, такой широкой, что современный архитектор на занимаемом ею месте выстроил бы целый мегахолл, сновали вверх и вниз старухи, искавшие каких-нибудь милостей, приезжие из провинции дворяне, жаждущие зачисления в имперские Клерики, и лакеи в разноцветных, полированных экзоскафах, явившиеся сюда с посланиями от своих господ.

В приемной на длинных, расположенных вдоль стен эргономичных креслах, рядом со столиками на гравиплатформах, сидели избранные, то есть те, кто приглашен хозяином. С утра и до вечера в официальной приемной Лау Вельера стоял несмолкаемый гул, в то время как он сам работал в кабинете, прилегавшем к этой комнате, принимал гостей, выслушивал жалобы, отдавал приказания и, как император со своего балкона в Гартмане, ультрасовременном подобию дворца, мог, подойдя к панораме окна, произвести смотр своим людям и вооружению.

В тот день, когда Лау Дартин-младший явился сюда впервые, круг собравшихся казался необычайно внушительным, особенно в глазах провинциала с ближайшей луны. Провинциал, правда, был грегорианцем, и его земляки в те времена пользовались славой людей, которых трудно чем-либо смутить.

Остановка на магистрали общественного гравитранспорта, несколько минут переходов по рукавам, и, пройдя через массивные парадные двери, отделанные броне-полосками и снабжённые системой силовых дефлекторов, посетитель оказывался среди толпы вооруженных людей. Люди эти вальяжно расхаживали по двору, перекликались, затевали то ссору, то игру. Чтобы пробить себе путь сквозь эти бушующие людские волны, нужно стать офицером, вельможей или хорошенькой девушкой.

Наш юноша с пылким сердцем и взором горящим, прокладывая себе путь сквозь эту толкотню и давку, прижимая к худым ногам непомерно длинный палаш с фамильной инкрустацией на эфесе, не отнимая руки от тактического монокуляра и сканируя нейросети, улыбался жалкой улыбкой провинциала, старающегося скрыть свое смущение. Миновав ту или иную группу вооружённых до зубового скрежета посетителей, вздыхал с некоторым облегчением, но ясно ощущал, что присутствующие оглядываются ему вслед, и впервые в жизни Дартина, у которого до сих пор всегда складывалось довольно хорошее мнение о своей особе, чувствовал себя неловким и смешным.

У самой автоматической лестницы положение стало еще затруднительнее. У основания платформы четверо Клериков забавлялись веселой игрой, в то время как столпившиеся на площадке десять или двенадцать их приятелей ожидали своей очереди, чтобы принять участие в забаве. Один из четверых, стоя ступенькой выше прочих и обнажив шпагу, препятствовал или старался препятствовать остальным троим подняться по лестнице. Эти трое нападали на него, ловко орудуя шпагой, причём, плазменные контуры у всех активны.

Дартин принял эти шпаги за фехтовальные рапиры. Но вскоре, по некоторым царапинам на лицах участников игры, понял, что клинки были самым тщательным образом приведены в полную боевую готовность. Писк и незамедлительное применение персональных инъекторов с нейростимуляторами говорил сам за себя. Всё более чем серьёзно. При каждой новой царапине не только зрители, но и сами пострадавшие раздражались бурным хохотом. Жестко.

Легионер, занимавший в эту минуту верхнюю платформу, блестяще отбивался от своих противников. Вокруг собралась толпа. Условия игры заключались в том, что при первой же царапине раненый выбывал из игры и его очередь на аудиенцию переходила к победителю. За какие-нибудь пять минут трое оказались задетыми. У одного была поцарапана рука и пробита броневставка на жилете, у другого подбородок, у третьего ухо, причем защищавший ступеньку не был задет ни разу. Такая ловкость, согласно условиям, вознаграждалась продвижением на четыре очереди.

Как ни трудно было удивить нашего молодого путешественника или, вернее, заставить его показать, что он удивлен, все же эта игра поразила его. На его родной планете Грег, там, где кровь обычно так легко ударяет в голову, для вызова на дуэль все же требовался хоть какой-нибудь повод.

Грегорианцу игра четверых игроков показалась ему самой необычайной из всех, о которых ему когда-либо приходилось слышать даже в самой Грегории. Почудилось, что он перенесся в пресловутую страну великанов и где натерпелся такого страха. А между тем до цели еще далеко. Оставались верхняя площадка и приемная.

На площадке уже не дрались, там сплетничали о симпатичных женщинах, а в приемной болтали о дворе императора. На площадке Дартин покраснел, в приемной затрепетал. Его живое и смелое воображение, делавшее его в Грегории опасным для молоденьких горничных, а подчас и для их молодых хозяек, никогда, даже в горячечном бреде, не могло бы нарисовать и половины любовных прелестей. Точнее четверти любовных подвигов, служивших здесь темой разговора и приобретающих особую остроту от тех громких имен и сокровеннейших подробностей, которые при этом перечислялись. Но если на площадке был нанесен удар его доброправию, то в приемной поколебалось его уважение к кардиналу.

Здесь Дартин, к своему великому удивлению, услышал, как критикуют политику, заставлявшую трепетать Содружество. Нападкам подвергалась и личная жизнь кардинала, хотя за малейшую попытку проникнуть в нее, как знал Дартин, пострадало столько могущественных и знатных вельмож. Этот великий человек, которого так глубоко чтит Лау Дартин-отец, служил здесь посмешищем для Клериков Вельера. Одни потешались над его кривыми ногами и сутулой спиной. Кое-кто распевал неприятные песенки о его возлюбленной, и о его племяннице, а другие тут же сговаривались подшутить над пажами и телохранителями. Все это представлялось Дартину невыносимым и диким.

Но, если в эти едкие эпиграммы по адресу кардинала случайно вплеталось имя императора, то казалось, что чья-то невидимая рука на мгновение прикрывала эти насмешливые уста. Разговаривавшие в смущении оглядывались, словно опасаясь, что голоса их проникнут сквозь стену в кабинет Лау Вельера. Но почти тотчас же брошенный вскользь намек переводил снова разговор на его высокопреосвященство, голоса снова звучали громко, и ни один из поступков великого кардинала не оставался в тени.

«Всех этих людей, – с ужасом подумал Дартин, – неминуемо засадят в Бастион и разложат на молекулы. А меня заодно с ними. Сочтут соучастником, раз я слушал и слышал их треп. Что сказал бы мой отец, так настойчиво внушавший мне уважение к кардиналу, если б знал, что я нахожусь в обществе подобных идиотов!»

Юноша поэтому, как легко догадаться, не решался принять участие в разговоре. Он глядел во все глаза и жадно слушал, напрягая все свои пять чувств, лишь бы ничего не упустить. Несмотря на все уважение к отцовским советам, следуя своим влечениям и вкусам, склонялся скорее одобрять, чем порицать, происходившее вокруг него. Принимая, во внимание, что он совершенно чужой среди этой толпы приверженцев Лау Вельера и его впервые видят здесь, подошли узнать о цели визита.

Дартин скромно назвал свое имя и, ссылаясь на то, что он земляк Вельера, поручил слуге, подошедшему к нему с вопросом, исходатайствовать для него у хозяина несколько минут аудиенции. Слуга покровительственным тоном обещал передать его просьбу в свое время.

Несколько оправившись от первоначального смущения, Дартин смог приглядеться к одежде и лицам окружающих.

Центром одной из самых оживленных групп был рослый Клерик с высокомерным лицом и в необычном костюме, привлекавшем к нему общее внимание.

Одет не в форменный нейроскаф или экзоброню, ношение которых, впрочем, не считалось обязательным в те времена, времена меньшей свободы, но большей независимости, а

в светло-голубой, порядочно выцветший и потертый скаф, поверх которого красовалась роскошная перевязь, шитая золотом и сверкавшая, словно солнечные блики на воде в ясный полдень. Длинный плащ алого бархата изящно спадал с его плеч, позволяя спереди увидеть ослепительную перевязь, на которой висела огромных размеров шпага.

Этот Клерик только что сменился с караула, жаловался на болезнь и нарочно покашливал. Вот поэтому-то ему и пришлось накинуть статусный плащ, как он пояснял, пренебрежительно роняя слова и покручивая ус, тогда как окружающие, и больше всех Дартин, шумно восхищались шитой золотом перевязью.

– Бывает, – говорил он, – это снова входит в моду после последней битвы с инсэками. Хоть и расточительство, я и сам знаю, но модно. Впрочем, надо ведь куда-нибудь девать родительские денежки.

– Ах, Басс, – восхитился один из присутствующих, – не старайся нас уверить, что этим подвесом шпаги ты обязан отцовским щедротам! Не преподнесла ли ее тебе дама под вуалью, с которой я встретил тебя в воскресенье около ворот Гартмана?

– Нет, клянусь честью и даю слово, а так же голову на отсечение, что я купил ее на собственные деньги, – ответил тот, кого называли Басс.

– Да, – заметил один из имперских Клериков, – купил точно так, как я вот этот новый коммуникатор. На те самые деньги, которые моя возлюбленная положила вместо старого.

– Нет, ну что вы в самом деле, – возразил Басс, – и я могу засвидетельствовать, что заплатил за нее двенадцать сотых кредита.

Восторженные возгласы усилились, но сомнение оставалось.

– Разве не правда, Барсис? – спросил Басс, обращаясь к другому легионеру.

Этот Клерик, являлся прямой противоположностью тому, который к нему обратился, назвав его Барси. Это молодой человек лет двадцати двух или двадцати трех, с простодушным и несколько слащавым выражением лица, с черными глазами и румянцем на щеках, покрытых, словно персик осенью, бархатистым пушком. Тут у героя вкрались обоснованные подозрения.

Тонкие усы безупречно правильной линией оттеняли верхнюю губу. Избегал опустить руки из страха, что жилы на них могут вздуться. Время от времени пощипывал мочки ушей, чтобы сохранить их нежную окраску. Говорил мало, медленно, часто кланялся, смеялся бесшумно, обнажая красивые зубы, за которыми, как и за всей своей внешностью, по-видимому, тщательно ухаживал. На вопрос своего друга он ответил утвердительным кивком.

Это подтверждение устранило, по-видимому, все сомнения насчет великолепной перевязи. Ею продолжали любоваться, но говорить перестали. Разговор, постепенно, подчиняясь неожиданным ассоциациям, перешел в другую тему.

– Какого вы мнения о том, что рассказывает техник господина Вьена? – поинтересовался другой Клерик, не обращая ни к кому в отдельности, а ко всем присутствующим одновременно.

– Что же он рассказывает? – с важностью парировал Крош.

– Он рассказывает, что в Сееле встретился с Лау Шарелом, этим преданнейшим слугой кардинала. Шарел пребывал в одеянии придуря, и, пользуясь таким маскарадом, этот проклятый Адепт провел господина де Эга, как последнего идиота.

– Как последнего болвана, – вторил Крош. – Но правда ли это?

– Я слышал об этом от Барсис, – заявил легионер императора.

– Да ладно?

– Да! Ведь вам это прекрасно известно, Крош, – произнес Барсис. – Я рассказывал вам об этом вчера. Не стоит к этому возвращаться.

– «Не стоит возвращаться»! – повысил голос Крош. – Вы так считаете? «Не стоит возвращаться»! Черт возьми, как вы быстро решаете!.. Как!.. Кардинал выслеживает дворянина с помощью предателя, разбойника, висельника похищает у него письма и, пользуясь все тем же

шпионом, на основании этих писем, добивается казни Вьена под нелепым предлогом, будто бы Лау Вьен собирался убить императора и женить герцога Роклэндского на имперетрице! Никто не мог найти ключа к этой загадке. Вы, к общей радости, сообщаете нам разгадку тайны и, когда мы еще не успели даже опомниться, объявляете нам сегодня: «Не стоит к этому возвращаться»!

– Ну что ж, вернемся к этому, раз вы так настаиваете, – терпеливо согласился Барсис.

– Будь я технарём господина Вьена, – продолжил Крош, – я бы проучил этого Шарела!

– А вас проучил бы Красный Герцог, – спокойно заметил Барсис.

– Красный Герцог... Великолепно сказано! Красный Герцог!.. – закричал Крош, хлопая в ладоши и одобрительно кивая. – Красный Герцог – это восхитительно. Я постараюсь распространить эту остроту, будьте уверены. Вот так остряк этот Барсис!.. Как жаль, что вы не имели возможности последовать своему призванию, дорогой мой! Какой очаровательный церковник получился бы из вас!

– О, это только временная отсрочка, – заметил Барсис. – Когда-нибудь я все же буду кардиналом. Вы ведь знаете, Крош, что я в предвидении этого продолжаю изучать богословие.

– Он добьется своего, – заявил Крош. – Рано или поздно, но обязательно добьется.

– Скорее рано, – ответил Барсис.

– Он ждет только одного, чтобы снова облачиться в сутану, которая висит у него в шкафу позади одежды Клерика имперского легиона! – воскликнул один из легионеров.

– Чего же он ждет? – спросил другой.

– Он ждет, чтобы императрица подарила стране наследника.

– Незачем, господа, шутить по этому поводу, – заметил Крош. – Императрица, слава богу, еще в таком возрасте, что это возможно.

– Говорят, что лорд Роклэнд в Гранжире!.. – подметил Барсис с лукавым смешком, который придавал этим как будто невинным словам некий двусмысленный оттенок.

– Барсис, друг мой, на этот раз вы не правы, – перебил его Крош, – и любовь к остротам заставляет вас перешагнуть известную границу. Если б господин Лау Вельер услышал, вам бы не поздоровилось за такие слова.

– Н-да! Не собираетесь ли вы учить меня, Крош? – хмыкнул Барсис, в кротком взгляде которого неожиданно сверкнула молния.

– Да! Друг мой, – ответил Басс, – будьте Клериком или кардиналом, но не тем и другим одновременно. Помните, Шосс на днях сказал вам, что вы едите из всех кормушек... Нет-нет, прошу вас, не будем ссориться. Это ни к чему. Вам хорошо известно условие, заключенное между вами, Шоссом и мною.

Вы ведь бываете у госпожи Лау Дильён и ухаживаете за ней. Вы бываете у госпожи Бу Аси, кухни госпожи Лау Шез, и, как говорят, состоите у этой дамы в большой милости. О, господа, вам незачем признаваться в своих успехах, никто не требует от вас исповеди. Кому неведома ваша скромность! Но раз уж вы, чёрт возьми, обладаете даром молчания, не забывайте о нём, когда речь идет о её императорском величестве. Пусть болтают что угодно и кто угодно о императоре и кардинале, но императрица священна, и если уж о ней говорят, то пусть говорят одно хорошее.

– Крош, вы самонадеянны, заметьте это, – произнес Барсис. – Вам ведь известно, что я не терплю поучений и готов выслушивать их только от Шосса. Что же касается вас, милейший, то ваша чрезмерно роскошная перевязь не внушает особого доверия к вашим благородным чувствам. Я стану аббатом или кардиналом, когда сочту нужным. Пока что я Клерик и, как таковой, говорю все, что мне вздумается. Сейчас мне вздумалось сказать вам, что вы мне надоели.

– Барсис!

– Крош!

– Уважаемые!.. – послышалось со всех сторон.

– Господин Лау Вельер ждет господина Лау Дартина! – их перебили, распахнув дверь кабинета.

Дверь кабинета, пока произносились эти слова, оставалась открытой, и все сразу умолкли. И среди этой тишины молодой грегорианец пересек приемную и вошел к командующему имперским легионом Клериков, честно радуясь, что так своевременно избежал участия в развязке этой странной ссоры.

Глава 3. Знакомство

Господин Лау Вельер пребывал в самом, что ни есть, дурном расположении духа. Тем не менее, уважаемый муж учтиво принял молодого человека, поклонившегося почти до земли, и с улыбкой выслушал его приветствия. Грегорианский акцент паренька напомнил молодость и родные края, воспоминания, способные в любом возрасте порадовать человека. Но тут же, подойдя к дверям приемной и подняв руку типа в знак того, что он просит разрешения у Дартина сначала покончить с остальными, а затем уже приступить к беседе с ним, он трижды крикнул, с каждым разом повышая голос так, что в нем прозвучала вся гамма интонаций от повелительной до гневной:

– Шосс! Росс! Басс! – он искажил имена по непонятной причине.

Оба Клерика, с которыми мы уже успели познакомиться и которым принадлежали два последних имени, сразу же отделились от товарищей и вошли в кабинет, дверь которого хлопнулась за ними, как только они перешагнули порог. Их манера держаться, хотя они и не были вполне спокойны, своей непринужденностью, исполненной одновременно и достоинства, и покорности, вызвала восхищение Дартина, видевшего в этих людях неких полубогов, киберов и техноморфов в одном лице, а в их начальнике властелина вселенной, готового разразиться громом и молнией.

Когда оба легионера вошли и дверь за ними закрылась, гул разговоров в приемной, которым вызов Клериков послужил, вероятно, новой пищей, опять усилился, когда, наконец, господин Вельер, хмуря брови, три или четыре раза прошелся молча по кабинету мимо Басса и Росса, которые стояли безмолвно, вытянувшись, словно на построении, он внезапно остановился напротив и, окинув с ног до головы гневным взором, произнес:

– Известно ли вам, милые леди, что мне сказал император, и не далее как вчера вечером? Просто интересуюсь вашей проницательностью и осведомлённостью!

После такого открытия о принадлежности легионеров к женскому полу, наш юноша не то, что удивился, потерял нить повествования и забыл цель своего визита. В голове не укладывалась причина маскарада и вопиющего попустительства командующего. Нанимать девушек в Легион строго воспрещалось во все времена.

– Нет, – после короткого молчания ответствовали обе легионерши. – Нет, нам ничего не известно, – застыли пожирая командира глазами.

– Но мы надеемся, что вы окажете нам честь сообщить об этом, – добавила Росс в высшей степени учтиво и отвесила изящный поклон.

– Он сказал мне, что впредь будет подбирать себе бойцов из Адептов господина кардинала.

– Господина кардинала? Да ладно, вы шутить изволили? – ухмыльнулась Басс.

– Он пришел к заключению, что его кисленькое пиво требует подбавки свежего.

Обе девушки вспыхнули до ушей, а Дартин не знал, куда ему деваться, и готовился провалиться на месте. Неудобство может вылиться боком. Запросто.

– Да, да! – продолжал Вельер, все более горячась. – И его императорское величество совершенно прав, – сделал паузу, прохаживаясь перед замерзшими, – ибо, клянусь честью, госпожи Клерики играют жалкую роль при дворе! Господин кардинал вчера вечером за игрой в шахматы соболезующим тоном, который очень задел меня, принялся рассказывать, что эти проклятые легионеры-головорезы, произнося слова с особой насмешкой, которая понравилась мне еще меньше. Эти рубаки, добавил потом он, поглядывая на меня своими глазами дикой кошки, или рептилии, задержались позже разрешенного часа в ресторане на улице Еру. Его Адепты, совершавшие патрулирование, – покосился на проштрафившихся. – Казалось, он расхохочется мне в лицо. Так вот, они были буквально принуждены задержать этих нарушителей

ночного покоя. Тысяча инсэктов! Вы знаете, что это значит? Арестовать имперских Клериков! Вы были в этой компании... И да, вы, не отпирайтесь, вас опознали, и кардинал назвал ваши имена. Я виноват, виноват, ведь сам подбираю себе людей. Вот хотя бы вы, Росс, нахрена выпросили у меня плащ легионера, когда вам так к лицу сутана?

– Ну а вы, Басс... вам роскошный подвес нужен, должно быть, чтобы повесить на нём тренировочную шпагу? А Шосс... Я не вижу Шосса. Итак, леди. Где он?

– Господин Вельер, – с грустью произнесла Росс, – он приболел, очень сильно.

– Приболел? Приболел, вы это утверждаете чтобы поиздеваться? А чем, позвольте спросить?

– Опасаются, что у него лунный грипп, – вздохнула Басс, поправляя серьёзную шпагу, стремясь вставить и свое слово. – Весьма печальная история. Эта болезнь может изуродовать его, вы же знаете, как она опасна.

– Грипп?.. Вот так славную историю вы тут рассказываете, Басс! Болеть лунным гриппом в его возрасте! Нет, нет!.. Он, должно быть, ранен... или убит... Если бы я мог знать!.. Тысяча инсэктов! Господа Клерики, – сменил обращение, на диалог как с мужчинами. – Я не желаю, чтобы мои люди шатались по подозрительным местам, затевали драки на улицах и пускали в ход шпаги в темных закоулках! Я не желаю, в конце концов, чтобы мои люди служили посмешищем для Адептов господина кардинала! Эти самые Адепты спокойные ребята, порядочные, ловкие. Их не за что арестовывать, да, кроме того, они и не дали бы себя арестовать. Я в этом уверен! Они предпочли бы умереть на месте, чем отступить хоть на шаг. Спасаться, бежать, удирать – на это способны только имперские легионеры!

Басс и Росс дрожали от ярости. Готовились задушить Лау Вельера, если бы в глубине души не чувствовали, что только горячая любовь к ним заставляет его так орать. Девушки в мужском обличи постукивали каблуками о ковер, до крови кусали губы и изо всех сил сжимали эфесы шпаг.

В приемной слышали, что вызывали Шосса, Басса и Росса, и по голосу уважаемого Вельера угадали, что он сильно разгневан. Десяток голов, терзаемых любопытством, прижался к двери в стремлении не упустить ни слова, и лица бледнели от ярости, тогда как уши, прильнувшие к скважине, не упускали ни звука, а уста повторяли одно за другим оскорбительные слова любимого всеми командующего Имперскими Легионерами, делая их достоянием всех присутствующих. В одно мгновение резиденция, от дверей кабинета и до самой дальней площадки паркинга лайтфлаев, превратилась в кипящий котел. Командующий вновь стал соблюдать девичье инкогнито вызванных Клериков.

– Неужто! Имперские легионеры позволяют алептам кардинала себя арестовывать! – продолжал хозяин кабинета, в глубине души не менее разъяренный, чем его подчинённые, чеканя слова и, словно заряды релъстронов вонзая их в грудь своих слушателей. – Вот как! Шестеро Адептов арестовывают шестерых Клериков императора! Тысяча инсэктов! Я принял решение. Прямо отсюда отправляюсь в Гартман к императору и подаю в отставку, отказываюсь от должности командующего Клериков и прошу назначить меня обычным лейтенантом Адептов кардинала. А если откажут, тысяча инсэктов, я стану аббатом!

При этих словах ропот за стеной превратился в бурю. Всюду раздавались проклятия и богохульства. Возгласы:

«Тысяча инсэктов!», «Бог и все его ангелы!», «Смерть и вторжение в мозг!» – повисли в воздухе. Дартин глазами искал, нет ли какой-нибудь портьеры, за которой он мог бы укрыться, и ощущал непреодолимое желание забраться под стол.

– Так вот, господин полковник! – буквально зашипела Басс, потеряв всякое самообладание. – Нас действительно было шестеро против шестерых, однако на нас напали из-за угла, и, раньше чем мы успели обнажить оружие, двоих убили наповал, а Шосс так тяжело ранен, что не многим отличался от трупа. Он пытался подняться и снова валился на землю. Том не менее

мы не сдались. Нет! Нас уволокли силой. По пути мы воспользовались моментом и скрылись на лайтфляях. Что касается Шосса, то его посчитали мертвым и оставили спокойно лежать на поле битвы, полагая, что с ним не стоит возиться. Вот как было дело. Черт дери, полковник! Не всякий бой можно выиграть. Великий Омеи и тот проиграл Фарскую битву.

– И я имею честь доложить, – добавила Росс, – что одного из нападавших я самолично заколола его собственной шпагой, так как моя сломалась после первого же выпада. Убила или заколола, как вам будет угодно, полковник. Жаль что рельсовики запрещены в столице...

– Я не знал этого, – смягчился Вельер, несколько успокаиваясь.

– Господин кардинал, как я вижу, кое-что преувеличил, – добавили Клерики.

– Но умоляю вас... – продолжала девушка в облике мужчины, видя, что хозяин кабинета смягчился, и уже осмеливаясь обратиться к нему с просьбой, – молю вас, не говорите никому, что Шосс ранен! Он был бы в отчаянии, если б это стало известно императору. А так как рана очень тяжелая заряд разгонника раздробил броневставку и повредил осколками плечо...

В эту минуту край портъеры приподнялся, и на пороге показался Клерик с благородным и красивым, но смертельно бледным лицом.

– Шосс! – вскрикнули обе легионерши. – Какого лешего ты припёрся? Тебе лежать и восстанавливаться в регенерационной капсуле надо!

– Шосс! – повторил за ними Лау Вельер. – Действительно? – перевёл взгляд на девушек.

– Вы звали меня, господин полковник, – с трудом выдал вошедший, обращаясь к Вельеру. Голос его звучал слабо, но совершенно спокойно. – Вы звали меня, как сообщили мне товарищи, и я поспешил явиться. Жду ваших приказаний!

И с этими словами Клерик, безукоризненно одетый и, как всегда, подтянутый, твердой поступью вошел в кабинет. Вельер, до глубины души тронутый таким проявлением мужества, бросился к нему:

– Я только что говорил этим леди, – начал Вельер, – что запрещаю моим легионерам без надобности рисковать жизнью. Храбрецы дороги императору, а ему известно, что Клерики – самые храбрые люди в Гранжире. Вашу руку, Шосс!

И, не дожидаясь, чтобы вошедший ответил на проявление дружеских чувств, Вельер схватил правую руку Шосса и сжал её изо всех сил, не замечая, что тот, при всем своем самообладании, вздрогнул от боли и сделался ещё бледнее, хоть это и казалось невозможным.

Дверь оставалась полуоткрытой. Появление Шосса, о ране которого, несмотря на тайну, окружавшую все это дело, большинству присутствующих на базе легионеров было известно, поразило всех. Последние слова полковника встретили гулом удовлетворения, и две или три головы в порыве восторга просунулись между портъерами. Полковник, надо полагать, не преминул бы резким замечанием покарать за это нарушение этикета, но вдруг почувствовал, как рука Шосса судорожно дернулась в его руке, и, переведя взгляд на раненого легионера, увидел, что тот готов потерять сознание. В то же мгновение Шосс, собравший все силы, чтобы преодолеть боль, и все же сраженный ею, рухнул на пол как мертвый.

– Нейростимуляторы сюда и медика! – закричал Лау Вельер. – Моего или императорского, самого лучшего! Медика, или, тысяча инсэктов, мой храбрый Шосс умрет, а я спущу на вас свой праведный гнев!

На крик полковника все собравшиеся в приемной хлынули в кабинет, дверь которого он не подумал закрыть. Люди в броне суетились вокруг раненого, однако старания были бы напрасны, если б лекарь не оказался в самом доме. Рассталкивая толпу, он приблизился к Шоссу, который все еще лежал без сознания, и, так как шум и суэта мешали ему, он прежде всего потребовал, чтобы больного перенесли в соседнюю комнату. Вельер поспешно распахнул дверь и сам прошел вперед, указывая путь Басс и Росс, которые на руках вынесли своего друга. За ними следовал лекарь, а за лекарем дверь затворилась.

И тогда кабинет, всегда вызывавший трепет у входивших, мгновенно превратился в отделение приемной. Все болтали, разглагольствовались, не понижая голоса, сыпали проклятиями и, не боясь сильных выражений, посылали кардинала и его Адептов.

Немного погодя вернулись Басс и Росс. Возле раненого остались только полковник и врач с полевым медицинским кофром.

Наконец возвратился и полковник. Раненый, по его словам, пришел в сознание. Врач считал, что его положение не должно внушать друзьям никаких опасений, так как слабость вызвана только большой потерей крови.

Затем Лау Вельер подал знак рукой, и все удалились, за исключением Дартина, который, со свойственной грегорианцу настойчивостью, остался на месте, не забывая, что ему назначена аудиенция. Когда все вышли и дверь закрылась, Вельер обернулся и оказался лицом к лицу с молодым человеком. Происшедшие события прервали нить его мыслей. Он осведомился о том, чего от него желает настойчивый проситель. Юноша назвался, сразу пробудив в памяти Вельера и прошлое, и настоящее.

– Простите, любезный земляк, – произнес он с улыбкой, – я совершенно забыл о вас. Что вы хотите! Полковник, это тот же отец семейства, только отвечать он должен за большее, чем обыкновенный отец. Легионеры, это взрослые дети, но так как я требую, чтобы распоряжения императора и особенно господина кардинала выполнялись...

Дартин не мог скрыть улыбку, показавшую Лау Вельеру, что перед ним отнюдь не глупец, и он сразу перешел к делу.

– Я очень любил вашего отца, – сказал хозяин. – Чем я могу быть полезен его сыну? Говорите скорее, время у меня уже на исходе.

– Сударь, – произнес Дартин, – отправляясь с Грега на Гранжир, я надеялся в память той дружбы, о которой вы не забыли, просить у вас плащ легионера. Но после всего виденного мною за эти два часа я понял, что эта милость была бы столь огромна, что я боюсь оказаться недостойным её.

– Это действительно милость, молодой человек, – ответил полковник. – Но для вас она, может быть, не так недоступна, как вы думаете или делаете вид, что думаете. Впрочем, одно из распоряжений его императорского величества предусматривает подобный случай, и я вынужден, к сожалению, сообщить вам, что никого не зачислят в Клерики, пока он не испытан в нескольких сражениях, не совершил каких-нибудь блестящих подвигов или не прослужил два года в другом подразделении, поскромнее, чем наш.

Дартин молча поклонился. Он еще более жаждал надеть экзоброню и плащ легионера, с тех пор как узнал, насколько трудно достичь желаемого.

– Однако! – продолжал Вельер, вперив в своего земляка такой пронзительный взгляд, словно он желал проникнуть в самую глубину его сердца, – из уважения к вашему отцу, моему старому другу, как я вам уже говорил, я все же хочу что-нибудь сделать для вас, молодой человек. Наши грегорианские юноши редко бывают богаты, и я не думаю, чтобы положение сильно изменилось с тех пор, как я покинул родную планету. Полагаю, что денег, привезенных вами, вряд ли хватит на жизнь...

Дартин гордо выпрямился, всем своим видом давая понять, что он ни у кого не просит милостыни.

– Полно, полно, молодой человек, – продолжал Лау Вельер, – мне эти повадки знакомы. Я прилетел в Гранж с четырьмя сотыми от полноценного кредита в кармане и вызвал бы на дуэль любого, кто осмелился бы сказать мне, что я не в состоянии купить Гартман.

Юноша еще выше поднял голову. Благодаря продаже лайтфлая он начинал свою карьеру, имея на четыре сотых больше, чем имел на первых порах полковник.

– Итак, – продолжал Вельер, – вам необходимо сохранить привезенные, как бы значительна ни была эта сумма. Но вам также следует усовершенствоваться в искусстве владеть

оружием, произвести обновление баз нейросети с новыми тактическими корректировками и вообще, это необходимо дворянину. Я сегодня же напишу письмо начальнику Имперской академии, и с завтрашнего дня он примет вас, не требуя никакой платы. Не отказывайтесь от этого. Наши молодые дворяне, даже самые знатные и богатые, часто тщетно добиваются приема туда. Вы научитесь виртуозному управлению лайтвариором, фехтованию, и даже танцам. Завяжете полезные знакомства, а время от времени будете являться ко мне, докладывать, как у вас идут дела и чем я могу помочь вам.

Как ни чужды были Дартину придворные уловки, он все же почувствовал холодок, которым повеяло от этого приема.

– Увы! – вздохнул он. – Я вижу, как недостает мне сейчас послания на карте памяти с рекомендацией, данного мне отцом.

– Действительно, – отреагировал Вельер, – признаться, я удивлен, что вы пустились в столь дальний путь без этого единственного волшебного ключа, столь необходимого нашему брату грегорианцу.

– Оно у меня было, и, слава богу, оформленное как полагается! – воскликнул юноша. – Но у меня коварно похитили его!

И парень рассказал обо всем, что произошло в отеле при космопорте, описал незнакомого дворянина во всех подробностях, а речь его дышала жаром и искренностью, которые очаровали полковника.

– Странная история... – задумчиво произнес командующий легионом. – Вы, значит, громко называли мое имя?

– Да, это естественно. Я был так неосторожен. Но что вы хотите! Такое имя, как ваше, должно было служить мне в жизни щитом. Судите сами, как часто я прикрывался им.

Лесть была в те дни в моде, и Лау Вельер был так же чувствителен к фиммиаму, как любой император или кардинал. Он не мог поэтому удержаться от выразившей удовольствие улыбки, но улыбка быстро угасла.

– Скажите мне... – продолжил он, сам возвращаясь к происшествию, – скажите, не было ли у этого дворянина легкого рубца на виске?

– Да, как бы ссадина от прикосновения заряда разгонника.

– Это был видный мужчина?

– Ещё бы.

– Высокого роста?

– Несомненно.

– Бледный, с темными волосами?

– Да-да, именно. Каким образом, господин, вы знаете этого человека? Если когда-нибудь я разыщу его, – а я клянусь вам, что разыщу его хоть в аду...

– Он ожидал женщину? – перебил его Вельер.

– Уехал он, во всяком случае, только после того, как обменялся несколькими словами с той, которую поджидал.

– Вы не знаете, о чем они говорили?

– Вручив ей кофр, он сказал, что в нем она найдет его распоряжения, и предложил ей вскрыть его только при подлёте к Рокленду.

– Эта женщина была родом оттуда?

– Он называл ее Лигетта.

– Это он! – прошептал полковник. – Это он! А я полагал, что он еще в Сееле.

– Полковник! – заорал Дартин и осёкся, – скажите мне, а кто он и откуда, и я не буду просить вас ни о чем, даже о зачислении в легион! Ибо прежде всего я должен рассчитаться с этим уродом.

– Упаси вас бог от этого, молодой человек! – холодно парировал хозяин кабинета. – Если вы встретите его на улице, спешите перейти на другую сторону. Не наткнитесь на эту скалу, иначе вы разобьётесь, как стекло.

– И все-таки, – произнес Дартин, – если только я его встречу...

– Пока, во всяком случае, не советую вам разыскивать его, – отмахнулся Вельер.

Внезапно полковник умолк, пораженный странным подозрением. Страстная ненависть, которую юноша выражал по отношению к человеку, якобы похитившему у него отцовское послание. Кто знает, не скрывался ли за этой ненавистью какой-нибудь коварный замысел? Не подослан ли этот молодой человек его высокопреосвященством? Не явился ли он с целью заманить его, Вельера, в ловушку? Этот человек, называющий себя Дартином, – но был ли он шпионом, которого пытаются ввести к нему в дом, чтобы он завоевал его доверие, а затем погубил, как это бывало с другими? Он еще внимательнее, чем раньше, поглядел на юношу. Вид этого подвижного лица, выражавшего ум, лукавство и притворную скромность, не слишком его успокоил.

«Я знаю, правда, что он грегорианец, – подумал Вельер. – Но он с таким же успехом может применить свои способности на пользу кардиналу, как и мне. Испытаем его...»

– Друг мой, – проговорил он медленно, – перед сыном моего старого друга – ибо я принимаю на веру всю эту историю с посланием, так вот, перед сыном моего друга я хочу испытать холодность, которую вы сразу ощутили в моем приеме, и раскрою перед вами тайны нашей политики. Император и кардинал наилучшие друзья. Мнимые трения между ними служат лишь для того, чтобы обмануть глупцов. Я не допущу, чтобы мой земляк, красивый юноша, славный малый, созданный для успеха, стал жертвой этих фокусов и попал впросак, как многие другие, сломавшие себе на этом голову. Запомните, что я предан этим двум всемогущим господам и что каждый мой шаг имеет целью служить императору и господину кардиналу, одному из самых выдающихся умов, какие когда-либо создавал Империя Гранжир. Отныне, молодой человек, примите это к сведению, и если, в силу семейных или дружеских связей или подчиняясь голосу страстей, вы питаете к кардиналу враждебные чувства, подобные тем, которые нередко прорываются у иных дворян, то мы наверняка распрощаемся с вами. Я приду вам на помощь при любых обстоятельствах, но не приближу вас к себе. Надеюсь, во всяком случае, что моя откровенность сделает вас моим другом, ибо вы единственный молодой человек, с которым я когда-либо так говорил.

«Если кардинал подослал ко мне эту гадину, – думал Вельер, – то, зная, как я его ненавижу, наверняка внушил своему сукину сыну, что лучший способ вкрасться ко мне в доверие – наговорить про него черт знает что. И, конечно, этот хитрец, несмотря на мои заверения, сейчас станет убеждать меня, что питает отвращение к его преосвященству».

Но все произошло совсем по-иному, абсолютно не так, как ожидал полковник.

Дартин ответил с совершенной прямоотой, поправив статусный палаш на перевязи или так называемом тактическом подвесе парадного исполнения, для повседневного ношения.

– Господин, – произнес он просто, – я прибыл на Гранж именно с такими намерениями. Отец мой советовал не повиноваться никому, кроме императора, господина кардинала и вас, которых он считает первыми людьми Гранжира, – грегорианец не врал.

Дартин, как можно заметить, присоединил имя Лау Вельера к двум первым. Но это добавление, по его мнению, не могло испортить дело.

– Поэтому, – продолжил подобострастно, – я глубоко чту господина кардинала и преклоняюсь перед его действиями... Тем лучше для меня, если вы, как изволите говорить, вполне откровенны со мной. Значит, вы оказали мне честь, заметив сходство в наших взглядах. Но, если вы отнеслись ко мне с некоторым недоверием, а это было бы вполне естественно, то в этом случае, разумеется, я гублю себя этими словами в ваших глазах. Но все равно вы оцените мою прямооту, а ваше доброе мнение обо мне дороже всего на свете.

Лау Вельер поразились. Такая пронизательность, такая искренность вызвали восхищение, но все же полностью не устранили сомнений. Чем больше выказывалось превосходство этого молодого человека перед другими молодыми людьми, тем больше было оснований остерегаться его, если полковник ошибался в нем.

– Вы честный человек, – ответил он, пожимая Дартину руку, – но сейчас я могу сделать для вас только то, что озвучил ранее. Двери моего дома всегда для вас открыты. Позже, имея возможность являться ко мне в любое время, а следовательно, и уловить благоприятный случай, вы, вероятно, достигнете того, к чему стремитесь.

– Другими словами, – подвёл итог парень, – вы ждете, чтобы я оказался достоин этой чести. Ну что ж, – добавил он с непринужденностью, свойственной грегорианцу, – вам недолго придется ждать.

И поклонился, собираясь удалиться, словно остальное касалось уже только его одного.

– Да постойте же, – возмутился Вельер, останавливая юношу. – Я обещал вам письмо к начальнику академии. Или вы чересчур горды, молодой человек, чтобы принять его от меня?

– Нет, господин полковник, – возразил Дартин. – И я отвечаю перед вами за то, что его не постигнет такая судьба, как послание моего отца. Я так бережно буду хранить его, что оно, клянусь вам, дойдет по назначению, и горе тому, кто попытается похитить его у меня!

Это бахвальство вызвало на устах великого мужа улыбку. Оставив молодого человека в амбразуре панорамного окна, где они только что беседовали, уселся за стол, чтобы оформить соответствующее послание и загрузить на карту памяти. Дартин в это время, ничем не занятый, выбивал по стеклу какой-то марш, наблюдая за Клериками, которые один за другим покидали резиденцию, и провожая их взглядом до самого оживлённого потока гравитранспорта.

Лау Вельер, оформил обещанное, записал на прозрачный носитель с личным гербом, встал и направился к молодому человеку, чтобы вручить ему ожидаемое. Но в то самое мгновение, когда Дартин протянул руку, Вельер с удивлением увидел, как юноша внезапно вздрогнул и, вспыхнув от гнева, бросился из кабинета с яростным криком:

– Что за хрень, тысяча инсектов! На этот раз ты от меня не уйдешь, просто зараза какая-то!

– Кто? Кто? – заорал полковник.

– Он, тот самый вор! – отмахнулся на бегу парень. – Твою торпеду без взрывателя! – И с этими словами исчез за дверью.

– Клинический шизик! – пробормотал Вельер. – Если только... – медленно добавил, – это не уловка, чтобы удрать, раз он понял, что подвох не удался!

Дартин, как бешеный, в три скачка промчался через приемную и выбежал на площадку лестницы, по которой собирался спуститься опрометью, как вдруг с разбегу столкнулся с Клериком, выходящим от полковника через другую дверь. Клерик закричал или, вернее, взвыл от боли.

– Пардон! – произнес Дартин, намереваясь продолжать забег, – простите меня, но я спешу и это, удачи.

Не успел он спуститься до следующей площадки, как железная рука ухватила его за перевязь палаша и остановила.

– Стоять, тормози чутка, – одёрнул юношу Клерик, побледневший словно мертвец, – и под этим предлогом насакиваете на меня, говорите «пардон» и считаете дело исчерпанным? Не совсем так, молодой человек. Не вообразили ли вы, что если господин Лау Вельер сегодня резко говорил с нами, то это дает вам право обращаться пренебрежительно? Ошибаетесь, молодой человек. Вы не господин полковник и мне нужно вас наказать, может выпороть для начала?

– Поверьте мне... – смутился Дартин, узнав Шосса, возвращавшегося к себе после врачевания, – поверьте, я сделал это совершенно нечаянно, и, сделав это нечаянно, я извинился,

несколько привольно. По-моему, этого достаточно. А сейчас я повторяю вам и это, пожалуй, лишнее, что спешу, очень спешу. Посему прошу вас отпустить меня, не задерживая. Всё?

– Сударь, – парировал Шосс, выпуская из рук перевязь, – вы провинциальное быдло. Сразу видно, что прибыли в столицу издалека.

Дартин уже успел шагнуть вниз через три ступеньки, к гравиплатформе перехода, но слова Шосса заставили его остановиться.

– Слышь, уважаемый! – он резко обернулся. – Хоть я и прилетел издалека, но не вам учить меня хорошим манерам, предупреждаю последний раз.

– Хм. Кто знает! – пожал здоровым плечом Шосс.

– Н-да, если б я не так спешил, – продолжил Дартин, – и если б я не гнался за одним отморожком...

– Так вот, господин «пардонец», меня вы найдете, не гоняясь за мной, слышите?

– Где именно, не угодно ли сказать? Что из оружия берём и как разбираемся?

– Подле монастыря Рок. Бери палаш, коли не накопил на шпагу.

– Во сколько?

– Около полудня. Плюс минус.

– Около двенадцати? Хорошо, буду на месте.

– Постарайтесь не заставлять ждать. В четверть следующего часа я вам уши на ходу отрежу.

– Прекрасно, – крикнул Дартин, – явлюсь без десяти двенадцать и проделаю тоже с вами, если опоздаете!

И вновь пустился бежать как одержимый, все ещё надеясь догнать незнакомца, который не мог отойти особенно далеко, так как двигался не спеша.

Но у выхода к уличным магистралям он увидел Басс, беседовавшего с караульным. Между обоими собеседниками оставалось свободное местечко, через которое мог проскользнуть единственный человек. Дартину показалось, что его достаточно, и бросился напрямик, надеясь как стрела пронестись между ними. Но парень не принял в расчет ветра. В тот миг, когда он собирался проскользнуть между разговаривавшими, порыв раздул длинный плащ Басс, и Дартин запутался в его складках. У Басс, по-видимому, были веские причины не расставаться с этой важной частью своего одеяния, и, вместо того чтобы выпустить из рук полу, которую он придерживал, он потянул ее к себе, так что Дартин, по вине упрямой Басс, переодетой мужчиной, проделав какое-то вращательное движение, оказался совершенно закутанным в бархат плаща и уткнулся в упругие ягодицы девушки, переодетой мужчиной.

Слыша проклятия, которыми осыпала его перевоплотившаяся, юноша, как слепой, ошупывал достопримечательности красоты со спортивным телосложением, пытаясь выбраться из-под плаща. Он больше всего опасался как-нибудь повредить роскошную перевязь, подвес, о которой мы уже рассказывали, как и нарушить инкогнито девушки. Но, робко приоткрыв глаза, он увидел, что нос его упирается в попу Басс, а руки задевают и ту самую перевязь.

Так вышло, что, как и многое на этом свете, всё блестит только снаружи, перевязь Басс сверкала золотой отделкой лишь спереди, а сзади была из простой кожи. Legionerша, как истинная леди, не имея возможности приобрести перевязь, целиком отделанную золотом, приобрела статусную вещь, отделанную дорого хотя бы лишь спереди. Отсюда и выдуманная простуда, и необходимость плаща.

– Дьявол! Придурка кусок на крыльях летящий, – завопила Басс, делая невероятные усилия, чтобы освободиться от Дартина, который копошился у неё за спиной. – С катушек слетели, что бросаетесь на людей?

– Простите! – проговорил паренёк, выглядывая из под локтя, – но я очень спешу. Реально! Я гонюсь за одним человеком...

– Глаза вы, что ли, забываете дома, когда гонитесь за кем-нибудь? – орала Басс.

– Нет... – с обидой произнес парень, – нет, и мои глаза позволяют мне видеть даже то, чего не видят другие. А руки...

Поняла ли Басс или не поняла, но он дал полную волю своему гневу.

– Чудилка, – прорычала львица, – предупреждаю, если вы будете задевать Клериков императора, дело для вас кончится хреново!

– Хреново? – переспросил Дартин. – Не сильно ли сказано?

– Сказано человеком, привыкшим смотреть в лицо своим врагам.

– Еще бы! Мне хорошо известно, что тыл вы не покажете никому, ведь он слишком хорошенький!

И юноша, в восторге от своей озорной шутки, двинулся дальше, хохоча во все горло.

Басс в дикой ярости сделала движение, намереваясь броситься на обидчика.

– Потом, потом! – крикнул ей Дартин. – Когда на вас не будет плаща!

– Значит, в час, позади Бансионского дворца!

– Прекрасно, в час! – ответил парень, заворачивая за угол.

Но ни на переходе, по которому он пробежал, ни на другом, который он мог теперь охватить взглядом, не видно было ни души. Как ни медленно двигался незнакомец, он успел скрыться из виду или зайти в какой-нибудь дом.

Дартин расспрашивал о нем всех встречных, спустился до перевоза, вернулся по улице Ены, прошёл по другому переходу. Ничего, ровно ничего! Все же эта погоня принесла ему пользу. По мере того как пот выступал у него на лбу, сердце его остывало.

Он углубился в размышления о происшедших событиях. Их было много, и все они оказались неблагоприятными. Всего одиннадцать часов утра, а это утро успело уже принести ему немилость Вельера, который не мог не счесть проявлением развязности неожиданный уход Дартина.

Кроме того, он нарвался на два поединка с людьми, способными убить дюжину Дартинов каждый. Одним словом, с двумя легионерами, одна из которых дама, то есть с существами, перед которыми он благоговел так глубоко, что в сердце своем ставил их выше всех людей.

Положение усугубилось. Убежденный, что будет убит Шосс, парень, вполне понятно, не очень-то беспокоился о поединке с Басс. Все же, поскольку надежда есть последнее, что угасает в душе человека, он стал надеяться, что, хотя и получит страшные раны, все же останется жив, и на этот случай, в расчете на будущую жизнь, уже бранил себя за свои ошибки:

«Какой я безмозглый придурок! Этот несчастный и храбрый Шосс раненый именно в плечо, на которое я, как баран, налетел головой. Приходится только удивляться, что он не прикончил меня на месте, – он вправе был это сделать: боль, которую я причинил легионеру, была, наверное, ужасна. Что же касается Басс, о, что касается Басс – тут дело забавнее!..»

И молодой человек поднимающийся по эскалатору на следующий ярус перехода, вопреки своим мрачным мыслям, не мог удержаться от смеха, поглядывая все же при этом по сторонам не покажется ли такой беспричинный одинокий смех кому-нибудь оскорблением.

«Что касается Басс, то тут дело забавнее. Но я все же глупец. Разве можно так наскокивать на девушек? Подумать только! – и заглядывать им под плащ, чтобы увидеть то, чего там... Она бы простила меня... конечно, простила, если б я не пристал к ней с этой проклятой перевязью. Я, правда, только намекнул, но как ловко намекнул! Блин! Чертов я грегорианец, способный остричь даже в аду на сковороде... Друг ты мой, Дартин, – продолжал он, обращаясь к самому себе с вполне понятным дружелюбием, – если ты уцелеешь, что маловероятно, необходимо впредь вести себя образцово и учтиво. Отныне все должны восхищаться тобой и ставить тебя в пример. Быть вежливым и предупредительным не значит еще быть трусом. Погляди только на Росс!

Росс, эта девушка сама кротость, олицетворенное изящество. А разве может прийти кому-нибудь в голову назвать её трусихой? Разумеется, нет! И отныне я во всем буду брать пример с неё. Ах, вот как раз и она сама!»

Дартин, продолжая разговаривать с самим собой, поравнялся с особняком госпожи Лау Дильён и тут увидел Росс, которая, остановившись перед самым домом, беседовала с двумя Адептами. Росс, со своей стороны, заметила парня. Он не забыл, что Лау Вельер в присутствии этого юноши так жестоко вспылал сегодня утром. Человек, имевший возможность слышать, какими упреками осыпали Клериков, был ей неприятен, и Росс сделала вид, что не замечает его. Дартин между тем, весь во власти своих планов стать образцом учтивости и вежливости, приблизился к молодым людям и отвесил им изысканнейший поклон, сопровождаемый самой приветливой улыбкой. Росс слегка поклонилась, но без улыбки. Все трое при этом сразу прервали разговор.

Дартин был не так глуп, чтобы не заметить, что лишний. Но не был еще достаточно искусен в приемах высшего света, чтобы найти выход из неудобного положения, в каком оказывается человек, подошедший к людям, мало ему знакомым, и вмешавшийся в разговор, его не касающийся. Он тщетно искал способа, не теряя достоинства, убраться отсюда, как вдруг заметил, что Росс уронила платок и, должно быть по рассеянности, наступила на него ногой. Дартину показалось, что он нашел случай загладить свою неловкость. Наклонившись, с самым любезным видом вытащил платок из-под ноги Клерика, как крепко тот или та ни наступала на него.

– Вот ваш платок, – произнес он с чрезвычайной учтивостью, помня о инкогнито девушки, – вам, вероятно, жаль было бы его потерять.

Платок был действительно покрыт богатой вышивкой, и в одном углу его выделялись корона и герб. Росс густо покраснела и скорее выхватила, чем взяла платок из рук грегорианца.

– Так, так, – воскликнул один из Адептов, – теперь наш скрытный Росс не станет уверять, что у него дурные отношения с госпожой де Бу Аси, раз эта милая дама была столь любезна, что одолжила ему свой платочек!

Росс бросила на Дартина один из тех взглядов, которые ясно дают понять человеку, что он нажил себе смертельного врага, но тут же перешла к обычному для неё слащавому тону.

– Вы ошибаетесь, господа, – произнесла она на мужской манер. – Платок этот вовсе не принадлежит мне, и я не знаю, почему этому господину взбрело на ум подать его именно мне, а не любому из вас. Лучшим подтверждением моих слов может служить то, что мой платок у меня в кармане.

С этими словами она вытащила из кармана свой собственный платок, также очень изящный и из тончайшего наноматериала производства рептилоидов, а он в те годы стоил очень дорого, но без всякой вышивки и герба, а лишь помеченный монограммой владельца.

На этот раз Дартин промолчал, поняв свою ошибку, а приятели Росс не дали себя убедить, несмотря на все уверения. Один из них с деланной серьезностью обратился к Клерику.

– Если дело обстоит так, как ты говоришь, дорогой мой Росс, – сказал он, – я вынужден буду потребовать от тебя этот платок. Как тебе известно, Бу Аси – мой близкий друг, и я не желаю, чтобы кто-либо хвастал вещами, принадлежащими его супруге.

– Ты не так просишь об этом, – ответила Росс. – И, признавая справедливость твоего требования, я все же откажу тебе из-за формы, в которую оно облечено.

– В самом деле, – робко заметил Дартин, – я не видел, чтобы платок выпал из кармана господина Росс. Господин Росс наступил на него ногой, вот я и подумал, что платок принадлежит ему.

– И это вопиющее заблуждение, – холодно произнесла девушка, словно не замечая желания парня загладить свою вину. – Кстати, – продолжила, обращаясь к Адепту, сославшемуся на свою дружбу с Бу Аси, – я вспомнил, дорогой мой, что связан с графом Лау Бу Аси не менее

нежной дружбой, чем ты, близкий его друг, так что... платок с таким же успехом мог выпасть из твоего кармана, как из моего.

– Нет, клянусь честью! – воскликнул Адепт.

– Ты будешь клясться честью, а я ручаться честным словом, и один из нас при этом, очевидно, будет врать. Знаешь что, Онтаран? Давай лучше поделим его.

– Платок?

– Да.

– Изумительно! – закричали оба приятеля-Адепта. – Судилище! Росс, ты в самом деле воплощенная мудрость!

Молодые люди расхохотались, и все дело, как ясно всякому, на том и кончилось. Через несколько минут разговор оборвался, и собеседники расстались, сердечно пожав друг другу руки. Адепты кардинала зашагали в одну сторону по переходу, а Росс в другую.

«Вот подходящее время, чтобы помириться с этой благородной особой», – подумал Дартин, который в продолжение всего этого разговора стоял в стороне. И, подчиняясь доброму порыву, поспешил догнать Клерика императора, который шел, не обращая больше на него внимания.

– Сударь, – произнес Дартин, нагоняя Клерика и нарочито обращаясь как к мужчине, – надеюсь, вы извините меня...

– Милейший, – прервала его Росс, – разрешите вам заметить, что в этом деле вы поступили не так, как подобало бы благородному человеку.

– Как? – опешил парень. – Вы можете предположить...

– Я предполагаю, что вы не глупец и вам, хоть вы и прибыли с Грега, должно быть известно, что без причины не наступают ногой на носовой платок. Гранж, черт возьми, не вымощен платочками и они не разбрасываются с лайтфлаев пачками.

– Сударь, вы напрасно стараетесь меня унизить, – произнес Дартин, в котором задорный нрав начинал уже брать верх над мирными намерениями. – Я действительно прибыл с Грега, и, поскольку это вам известно, мне незачем вам напоминать, что грегорианцы не слишком терпеливы. Так что, единожды извинившись хотя бы за сделанную глупость, они бывают убеждены, что сделали вдвое больше положенного. Я достаточно вежливо говорю?

– Я сказал это вовсе не из желания искать с вами ссоры. Я, слава богу, не забияка какой-нибудь, и Клерик императорского легиона я лишь временно. Дерусь только когда бываю вынужден, и всегда с большой неохотой. Но на этот раз дело нешуточное, тут речь о даме, которую вы скомпрометировали.

– Мы скомпрометировали! – поправил Дартин.

– Как могли вы подать мне этот платок?

– Как могли вы обронить этот платок?

– Я уже сказал, и повторяю, что платок этот выпал не из моего кармана.

– Значит, вы наврали дважды, ибо я сам видел, как он выпал именно из вашего кармана.

– Ах, вот как вы позволяете себе разговаривать, господин грегорианец! Я научу вас вести себя!

– А я отправлю вас назад служить обедню, господин аббат! Вытаскивайте шпагу, прошу вас, и сию же минуту!

– Нет-нет, милый друг, не здесь, во всяком случае. Не видите вы разве, что мы находимся против самого дома Дильёнов, который наполнен клеветами кардинала? Кто уверит меня, что не его высокопреосвященство поручил вам доставить ему мою голову? А я, знаете, до смешного дорожу своей головой. Мне представляется, что она довольно ловко сидит у меня на плечах. Поэтому я согласен убить вас, будьте спокойны, но убить без шума, в укромном местечке, где вы никому не могли бы похвастать своей смертью.

– Без проблем. Только не будьте слишком уж уверенны и захватите ваш платочек, принадлежит ли он вам или нет, но он может вам пригодиться.

– Вы, грегорианец? – с иронией спросила Росс.

– Да. И грегорианцы обычно не откладывают поединка из осторожности.

– Осторожность, качество излишнее для Клерика, я это знаю. Но она необходима служителям церкви. И так как Клерик я только временно, то предпочитаю быть осторожным. В два часа я буду иметь честь встретиться с вами в резиденции господина Лау Вельера. Там я укажу вам подходящее для поединка место.

Молодые люди раскланялись, затем Росс удалился на эскалаторе к автоматическому переходу, ведущему к Бансионскому дворцу, а Дартин, видя, что уже довольно поздно, зашагал в сторону монастыря Рок.

«Ничего не поделаешь, – рассуждал парень сам с собой, – поправить ничего нельзя. Одно утешение, если я буду убит, то буду убит имперским легионером».

Глава 4. Драка, и что она доказывает?

У Дартина в Гранже не было ни одного знакомого. Поэтому на поединок с Шосс парень отправился без секунданта, решив удовольствоваться секундантами противника. Впрочем, он заранее твердо решил принести храброму Клерiku все допустимые извинения, не проявляя при этом, разумеется, слабости. Решил это, опасаясь тяжелых последствий, которые может иметь подобная дуэль, когда человек, полный сил и молодости, дерется с раненым и ослабевшим противником. Если таковой окажется побежденным, то противник будет торжествовать вдвойне, а если же победителем будет он, то в этом случае его обвинят в вероломстве, скажут, что успех достался ему слишком легко.

Впрочем, либо мы плохо обрисовали характер нашего искателя приключений, либо читатель должен был уже заметить, что Дартин являл собой человека не совсем обыкновенного. Посему, хоть и твердя самому себе, что гибель его неизбежна, он никак не мог безропотно покориться неизбежности смерти, как сделал бы это другой, менее смелый и менее спокойный человек.

Юноша вдумывался в различия характеров тех, с кем ему предстояло сражаться, и положение постепенно становилось для него ясней. Надеялся, что, извинившись, завоюет дружбу Шосса, строгое лицо, и благородная осанка которого произвели на него самое хорошее впечатление. Лестил себя надеждой запугать Басс историей с перевязью и попкой, которую он мог, в случае если не будет убит на месте, рассказать всем, а такой рассказ, преподнесенный в подходящей форме, не мог не сделать Басс смешной и разоблаченной в глазах друзей и товарищей.

Что же касается хитроумной Росс, то она не внушала Дартину особого страха. Если даже предположить, что и до неё дойдет очередь, то грегорианец твердо решил покончить с девушкой или же ударом в лицо, как Олив советовал поступать с солдатами Лаэл, нанести ущерб красоте, которой Росс так явно гордилась, продолжая скрывать женское начало.

Кроме всего прочего, в парне жила непоколебимая решимость, основанная на советах отца, сущность которых сводилась к следующему: «Не покоряться никому, кроме императора, кардинала и господина Лау Вельера». Вот почему Дартин не шёл, а летел по направлению к монастырю Рок, меняя транспорт и рукава пешеходных артерий столицы. Это заброшенное здание с выбитыми стеклами, окруженное бесплодными пустырями, в случае надобности служившими своему же назначению, там обыкновенно дрались люди, которым нельзя было терять время.

Когда Дартин подходил к пустырю, находившемуся подле монастыря, пробило полдень. Шосс ожидал его всего пять минут, следовательно, парень оказался безукоризненно точен, и самый строгий судья в законах дуэли не имел бы повода упрекнуть его.

Шосс, которому рана причиняла еще тяжкую боль, хоть врач Вельера и наложил на нее свежую повязку и обколол нейростимуляторами, сидел на камне, огромной редкостью для современного мегагорода, и ожидал противника, как всегда спокойный и полный благородного достоинства. Увидев Дартина, встал и учтиво сделал несколько шагов навстречу. Юноша, со своей стороны, приблизился к противнику, держа монокуляр вместе с головным убором дворянина, шляпой, в руке так, что перо крылатого инсэктоида волочилось по земле.

– Молодой человек, – начал диалог Шосс, – я послал за двумя моими друзьями, которые и будут моими секундантами. Но друзья эти еще не пришли. Я удивляюсь их опозданию, это не входит в их привычки.

– У меня секундантов нет, – пояснил Дартин. – Только вчера прибыл в Гранж, и у меня нет здесь ни одного знакомого, кроме господина Вельера, которому рекомендовал меня мой отец, имевший честь некогда быть его другом.

Шосс на мгновение задумался, делая для себя пометки, несомненно услышал он нечто важное.

– Вы знакомы только с господином Лау Вельером? – поинтересовался.

– Да, я знаком только с ним, – парень пожал плечами, как-бы безразлично.

– Оригинальная история получается! – проговорил Шосс, обращаясь столько же к самому себе, как и к своему собеседнику. – Вот такая история. Но если я вас убью, я прослышу пожирателем детей, а это не очень мне импонирует.

– Не совсем так, – возразил Дартин с поклоном, который не был лишен достоинства. – Не совсем так, раз вы делаете мне честь драться со мною, невзирая на рану, которая, несомненно, тяготит вас.

– Ты издеваешься? Где слов таких набрался? Манерничает ещё. Пусть будет по вашему – тяготит. И вы причинили мне невыносимую боль, должен признаться. Однако я буду держать шпагу в левой руке, как делаю всегда в подобных случаях. Таким образом, не думайте, что это облегчит ваше положение. Я одинаково свободно действую обеими руками. Это создаст даже некоторое неудобство для вас. Левша очень стесняет противника, когда тот не подготовлен к этому. Я сожалею, что не поставил вас заранее в известность об этом обстоятельстве.

– Вы, уважаемый, – проговорил Дартин, – бесконечно любезны, я вам глубоко признателен.

– Я, право, смущен вашими речами, – ответил Шосс с изысканной учтивостью. – Поговорим лучше о другом, если вы ничего не имеете против... Как же больно вы мне сделали! Плечо так и горит!

– Если б вы разрешили... – робко пробормотал юноша.

– Что именно?

– У меня есть чудодейственная рецептура для лечения ран. Список инъекций мне дала с собой матушка, и я испытал его на самом себе.

– И? Ну не тяните же право за интересное.

– А то, что не далее как через каких-нибудь три дня вы, я в этом уверен, будете исцелены, а по прошествии этих трех дней, когда вы поправитесь, я почту за великую честь скрестить с вами оружие.

Дартин произнес эти слова с простотой, делавшей честь его учтивости и в то же время не дававшей повода сомневаться в его мужестве.

– Клянусь богом, милейший, – ответил Шосс на пылкую речь, – это предложение мне по душе. Мы живем при почтенном господине кардинале, и за три дня, как бы тщательно мы ни хранили нашу тайну, говорю я, станет известно, что мы собираемся драться, и нам помешают осуществить поединок... Да, но эти лодыри окончательно пропали, как мне кажется! – посмотрел на массивный хронометр.

– Если вы спешите, – произнес Дартин с той же простотой, с какой минуту назад он предложил Шоссу отложить дуэль на три дня, – если вы спешите и вам угодно покончить со мной немедленно, прошу вас, не стесняйтесь.

Парень меланхолично поправил палаш.

– И эти слова также мне по душе, – выразил поклоном радость легионер, приветливо кивнув Дартину. – Это слова человека неглупого и, несомненно, благородного. Я очень люблю людей вашего склада и вижу, если мы не убьем друг друга, мне впоследствии будет весьма приятно беседовать с вами. Подождем моих друзей, прошу вас, мне некуда спешить, и так будет приличнее... Да, вот один из них, кажется!

Действительно, в конце улицы в эту минуту показалась знакомая фигура Басс.

– Вот сейчас, я не понял? – парень удивился. – Ваш первый секундант господин Басс? – Дартин старался не показывать знание истинного обличия Клерика.

– Да. Это вам почему-нибудь неприятно?

– Нет-нет!

– А вот и второй, – Шосс посмотрел в сторону.

Дартин повернулся туда, куда и Шосс, и узнал лицо Росс.

– Да ладно? Просто засада со звездцем получается! – проговорил тоном, выразившим еще большее удивление, чем в первый раз. – Ваш второй секундант господин Росс?

– Ну да. Разве вам не известно, что нас никогда не видят друг без друга, как среди легионеров, так и среди Адептов, при дворе и в городе нас называют Шосс, Басс и Росс или трое неразлучных. Впрочем, так как вы прибыли из...

– С Грега, – продолжил фразу парень.

– ... то вам позволительно не знать этих подробностей.

– Честное слово, – произнес Дартин, – прозвища у вас, удачные, и история со мной, если только она получит огласку, послужит доказательством, что дружба основана не на различии характеров, а как их сходстве.

Басс в это время, подойдя ближе, движением руки приветствовал Шосса, затем, обернувшись, замер от удивления, как только узнал парня.

Упомянем вскользь, что Басс успела за это время переменить тактический подвес и скинуть плащ, демонстрируя амуницию легионера. Нейроинтерфейс юноши выдал сводку о вооружении. Ничего особенного, но уважение и зависть появляется.

– Та-ак... – протянула она. – Что это значит?

– Я дерусь с этим господином, – пояснил Шосс, указывая на Дартина рукой и тем же движением как бы приветствуя его.

– Прикольно, я тоже, представляешь? – заявила Басс.

– Только в тринадцать дня, – успокоительно заметил парень.

– Но и я тоже дерусь с ним, – объявила Росс, в свою очередь приблизившись к компании.

– Только в четырнадцать часов, – все так же спокойно отметил Дартин.

– По какому же поводу дерешься ты, Шосс? – спросила девушка.

– Право, затрудняюсь ответить, – пожал здоровым плечом легионер. – Он больно толкнул меня в плечо. А ты, Басс?

– А я дерусь просто так, – покраснев, ответила вторая пришедшая. – Мне он не понравился, да и вообще, погода хорошая, – осмотрелся вокруг.

Шосс, от которого ничто не могло ускользнуть, заметил тонкую улыбку, скользнувшую по губам грегорианца.

– Мы поспорили по поводу одежды, – скороговоркой выпалил молодой человек. – Это всё что нужно знать.

– А ты, Росс?

– Я дерусь из-за несогласия по одному вопросу, – дала пояснение, делая знак Дартину, чтобы тот скрыл истинную причину дуэли. – В общем ерунда, но безнаказанность такого спора... Сами понимаете.

Но Шосс заметил, что по губам парня снова скользнула улыбка.

– Неужели? – переспросил раненый.

– Да, одно место, по поводу которого мы не сошлись во мнениях, – пришёл на выручку даме Дартин еле сдерживая смех. – По разному смотрим на решения некоторых политиков.

Ломать голову над причинами скрываться под личинами мужчин и носить клички парень счёл преждевременным. Две девушки и один мужчина, что общего? Но резонно рассудив о вполне вероятной смерти, Дартин перестал думать на эту тему.

«Он, бесспорно, умен», – подумал Шосс.

– А теперь, когда все вы собрались здесь, – произнес Дартин, – разрешите мне принести вам извинения.

При слове «извинения» лицо Шасса затуманилось, по губам Басс скользнула пренебрежительная усмешка, Росс же отрицательно покачала головой.

– Вы не поняли меня, уважаемые, – поспешил уточнить Дартин, подняв голову. Лучи Олна, коснувшись в эту минуту его головы, отгенили тонкие и смелые черты лица. – Я просил у вас извинения на тот случай, если не будет возможности дать удовлетворение всем. Ведь господин Шосс имеет право первым убить меня, и это может лишит меня возможности уплатить свой долг чести вам, господин Басс, обязательство же, выданное вам, господин Росс, превращается почти в ничто. А теперь, милостивые господа, повторяю еще раз, прошу простить меня, но только за это... Не начнем ли мы?

С этими словами молодой грегорианец смело выхватил палаш.

Кровь ударила ему в голову. В эту минуту он готовился обнажить статусное оружие против всех Клериков империи, как обнажил ее сейчас против Шосса, Басс и Росс.

Было четверть первого. Звезда Олн стояла в зените, и место, избранное для дуэли, залито его палящими лучами. Уединению не помешали транспортные развязки, находящиеся на удалении, а пешие горожане старались обойти развалины Рок стороной во избежании недоразумений.

– Жарковато, – подметил Шосс, в свою очередь обнажая шпагу с изысканным эфесом. – А между тем мне нельзя скинуть куртку с бронеставками. Я чувствую, что рана моя кровоточит, и боюсь смутить противника видом крови, пущенную не им.

– Да, согласен, – парировал Дартин. – Но будь эта кровь пущена мною или другими, могу вас уверять, что мне всегда будет больно видеть кровь столь храброго легионера. Я буду драться, как и вы не снимая ничего из верхнего облачения.

– Вот и прекрасно, – поддержала порыв парня Басс, – достаточно любезностей на сегодня! Не забывайте, что мы ожидаем своей очереди... Приступайте уже.

– Говорите от своего имени, Басс, когда говорите подобные нелепости, – перебила Росс. – Что до меня, то всё сказанное этими двумя господами, на мой взгляд, прекрасно и вполне достойно благородных дворян.

– К вашим услугам, – проговорил Шосс, становясь на свое место.

– Я ждал только вашего слова, – ответил Дартин, скрестив с ним палаш и активируя плазменный контур оружия.

Но не успели зазвенеть клинки, коснувшись друг друга, как отряд Адептов кардинала под командой Лау Бёрнса показался из-за угла развалин при монастыре.

– Адепты, мать их! – в один голос среагировали Басс и Росс. – Оружие в ножны, быстрее! Оружие в ножны!

Но оказалось уже слишком поздно. Противников застали в позах, не оставлявшей сомнения в их намерениях. Адепты слезли с лайтфлаев, припарковавшись прямо у воссозданной лужайки, не воспользовавшись специальной платформой.

– Какая радость! – крикнул Бёрнс, шагнув к ним и знаком приказав своим подчиненным последовать его примеру. – Легионеры! Вы что, собрались драться? А как же с общим приказом по столице?

– Вас это не касается, но спасибо за напоминание, – произнёс Шосс с досадой, так как Лау Бёрнс участвовал в нападении, имевшем место пару дней назад. – Если бы мы застали вас дерущимися, то дали бы продолжить.

– Дайте нам волю, и вы, не затрачивая труда, получите полное удовольствие.

– Клерики, – возразил Адепт, – я вынужден, к великому сожалению, или к радости, объявить вам, что это невозможно, – начал нарочито издеваться, ёрничая. – Долг для нас прежде всего. Вложите оружие в ножны и следуйте за нами.

– Прямо бегу и спотыкаюсь, – Росс присоединился, передразнивая Лау Бёрнса, – мы согласились бы на ваше предложение, если бы это зависело от нас! Полковник Лау Вельер запретил нам. Валите, это лучшее, что вам остается сделать.

Насмешка привела Адептов в ярость.

– В таком случае, – он демонстративно поправил оружие в подвесе, – если вы не собираетесь подчиниться, – прошипел он, – мы вас арестуем!

– Их пятеро, – вполголоса заметил Шосс, – а нас только трое. Мы снова огребём, или нам придется сдохнуть на месте, ибо объявляю вам, что побежденный, я не покажусь на глаза полковнику.

Шосс, Басс и Росс в то же мгновение пододвинулись друг к другу, а Лау Бёрнс поспешил выстроить своих подчинённых.

Этой минуты было достаточно для Дартина и он отважился на единственно верный поступок. Произошло одно из тех событий, которые определяют судьбу человека.

Ему предстояло выбрать между императором и кардиналом, и он должен держаться избранного. Вступить в бой значило не подчиниться закону, значило рискнуть головой, значило стать врагом министра, более могущественного, чем сам император. Все это молодой человек понял в мгновение. И к чести его мы должны сказать, что он ни на секунду не колебался.

– Я прерву ваше совещание? Не против? – он обратился к Шоссу и друзьям, – разрешите мне поправить вас. Новенького примете для разрешения спора с Адептами?

– Но вы не Клерик легиона, – возразила Басс.

– И это верно, – согласился Дартин, – на мне нет одежды Клерика, но душой я легионер. Сердце мое, это сердце легионера. Я чувствую и действую как Клерик.

– Отойдите, слюнявый! – крикнул Лау Бёрнс, который по жестам и выражению лица парня угадал намерения. – Вы можете свалить, пока не началось, и мы не возражаем. Спасайте свою шкуру! Молокосос!

Дартин не двинулся с места, охреневший от такого начала со стороны Адептов кардинала.

– Вы в самом деле славный малый, – хмыкнул Шосс, пожимая ему руку. – Может уйдёте?

– Решайтесь! – выкрикнул Адепт.

– Скорей, – заговорили друзья, – нужно что-то решать.

– Этот молодой человек нормален, – произнес Шосс.

Но всех троих тревожила молодость и неопытность паренька.

– Нас будет трое, из которых один раненый, и в придачу пацан, почти ребенок.

– Однако отступить?.. – подметила Басс.

– Этого нельзя допускать, – согласился Шосс.

Юноша понял причину их нерешительности.

– Уважаемые Клерики императора, друзья, – продолжил он, – испытайте меня, что более правильно.

– Как ваше имя, храбрый юноша? – наконец поинтересовался Шосс на правах старшего.

– Лау Дартин.

– Итак, господа. Вперед! – скомандовал Шосс.

– Ну как же, – осведомился Бёрнс, – соблаговолите вы решиться наконец?

– Все уже решено.

– Каково же это решение? – переспросил Адепт.

– Мы будем иметь честь уделывать вас, – произнесла Росс, одной рукой приподняв капюшон накидки, другой обнажая шпагу.

– Вот как... вы сопротивляетесь! – Адепт покачал головой.

– Вас это удивляет?

И все девять бойцов бросились друг на друга с яростью, не исключавшей, впрочем, известной обдуманности в действиях и тактике.

Оружие активно и отливает голубыми контурами на остриях клинков. Тактические монокуляры надвинуты на глаза и подключены к нейросетям участников. Бой вступил в активную, пиковую фазу противостояния.

Шосс бился с неким Баромиром, любимцем, на долю Басс выпал Ромель, тогда как Росс очутилась лицом к лицу сразу с двумя противниками.

Что же касается Дартина, то его партнёром в схватке оказался сам Лау Сааки.

Сердце молодого грегорианца билось настолько сильно, что вполне могло разорвать грудь. Видит бог, не от страха. Он и тени страха не испытывал, а от возбуждения. Парень дрался, как разъяренный рептилоид, носясь вокруг противника, каждый раз меняя тактику и местоположение. Сааки был, по тогдашнему выражению, «мастером клинка», и притом опытным. Тем не менее Адепт с величайшим трудом оборонялся против гибкого и ловкого противника, который, ежеминутно пренебрегая общепринятыми правилами, нападал одновременно отовсюду, заодно парируя удары, как боец, тщательно оберегающий свою шкуру.

Адепт не учёл, что грегорианцы растут на планете с избыточной гравитацией. Понижение её на столичной Гранжире компенсировала усиливающие импланты, коими пользовались все воины империи. Причём с лихвой.

Эта борьба в конце-концов вывела Сааки из терпения. Разъяренный тем, что ему не удастся справиться с противником, которого он счел юнцом, Адепт разгорячился и начал делать ошибку за ошибкой. Дартин, не имевший большого опыта, но зато помнивший теорию и имевший лучшие базы по поединкам, удвоил быстроту движений. Сааки, решив покончить с ним, сделал резкий выпад, стремясь нанести противнику решающий удар, но парень ловко парировал, и, в то время как Сааки выпрямлялся, грегорианец, словно астероидный червь, ускользнул из-под его руки и насквозь пронзил палашом. Адепт рухнул. Освободившись от своего противника, Дартин быстрым и тревожным взглядом окинул поле битвы.

Росс успела уже покончить с одним из своих противников, но второй сильно теснил её. Все же положение девушки казалось благоприятным, и она могла защищаться.

Ромель и Басс ловко орудовали шпагами. Эта девушка была уже ранена в предплечье, а Адепт в бедро. Ни та, ни другая рана не угрожала их жизням, и они с еще большим ожесточением продолжали изощряться в искусстве фехтования.

Шосс, вторично раненный Баромиром, с каждым мгновением всё больше бледнел, но не отступал ни на шаг. Он только переложил шпагу в другую руку и теперь дрался левой.

Дартин, согласно законам дуэли, принятым в те времена, имел право поддержать одного из сражающихся. Остановившись в нерешительности и не зная, кому больше нужна помощь, он вдруг уловил взгляд Шосса. Этот взгляд был мучительно красноречив. Клерик скорее бы умер, чем позвал на помощь. Но взглядом мог попросить и о поддержке. Юноша понял и, рванувшись вперед, сбоку обрушился на Баромира:

– А ну сюда Адептик! Я кишки тебе поджарю плазмой!

Баромир обернулся. Помощь подоспела вовремя. Шосс, которого поддерживало только неслыханное мужество, опустился на колено.

– Твою же роту астероидных кротов! – крикнул он. – Не убивайте его, Дартин. Я должен навалить ему, обезоружьте его, выбейте шпагу... Вот так... Всё просто замечательно! Отлично!

Это восклицание вырвалось у Шосса, когда он увидел, как шпага Баромира отлетела на пару дюжин шагов. Дартин и Адепт одновременно бросились за ней. Один чтобы вернуть себе, другой чтобы завладеть ею. Парень, оказавшийся на поверку более проворным, добежал первым и наступил ногой на лезвие.

Баромир бросился к Адепту, которого убил Росс, схватил его оружие и собирался вернуться к юноше, по пути наскочил на Шосса, успевшего за эти короткие мгновения перевести дух. Опасаясь, что Дартин убьёт его врага, легионер желал сам возобновить бой.

Парень догадался, что помешать ему значило бы обидеть. И действительно, через несколько секунд Баромир упал, после того, как шпага Клерика вонзилась ему в горло.

В это же самое время Росс приставила конец шпаги к груди поверженного противника, вынудив его признать себя побежденным.

Оставались Басс и Ромель. Девушка откровенно дурачилась, спрашивая у него, который, по его мнению, может быть час, и поздравляя его с ротой, которую получил его брат в одном из полков. Но все её насмешки не вели ни к чему. Ромель один из тех железных людей, которые падают только мертвыми.

Между тем пора было кончать. Могла появиться полицейская стража на лайтвариорах и арестовать всех участников дуэли, и здоровых и раненых, монархистов и кардиналистов.

Шосс, Росс и Дартин окружили Ромеля, предлагая сдаться. Один против всех, раненый в бедро, Адепт кардинала все же отказался. Но Сааки, приподнявшись на локте, крикнул ему, чтобы он принял предложение. Ромель был грегорианец, как и парень. Он остался глух и только засмеялся. Продолжая драться. Между двумя выпадами концом шпаги указал точку на лужайке.

– Здесь... – произнес он, пародируя слова кого-то из великих, – здесь умрет Ромель, один из всех, иже были с ним.

– Но ведь их четверо. Сдайся, это приказ! Всё завершено!

– Раз ты приказываешь, дело другое, – согласился воин. – Ты мой бригадир, и я должен повиноваться.

Внезапно отскочив назад, он переломил пополам свою шпагу, чтобы не отдать ее противнику. Перекинув через стену развалин обломки, скрестил на груди руки, насвистывая какую-то кардиналистскую песенку.

Мужество всегда вызывает уважение, даже если принадлежит врагам. Легионеры отсалютовали смелому бойцу шпагами и спрятали их в ножны. Дартин последовал поданному примеру, а затем, с помощью Ромеля, единственного из Адептов оставшегося на ногах, отнес к лифтам монастыря Рок Сааки, Баромира и того из противников Росс, который был лишь ранен. Четвёртый Адепт, как мы уже говорили, был убит. Затем, прикоснувшись к сенсору у входа и унося с собой четыре шпаги из пяти, опьяненные радостью, друзья выдвинулись к дому Лау Вельера.

Шли держась под руки и занимая всю ширину пешеходной артерии, заговаривая со всеми встречавшимися им Клериками легиона, так что в конце-концов это стало похоже на триумфальное шествие. Дартин пребывал в упоении, шагая между Шоссом и Басс, с любовью обнимая их, не делая акцент на принадлежности одного из них к особе женского пола.

– Если я не Клерик, – произнес он на пороге дома Вельера, обращаясь к своим новым друзьям, – то я все же могу уже считать себя принятым в ученики, не правда ли?

Снующие гравикары и одноместные лайтфлаи не раздражали, а люди прижимались к бортам переходов, пропуская воинов.

* * *

История с поединком наделала много шума. Полковник Вельер вслух бранил своих Клериков и втихомолку поздравлял их. Нельзя было, однако, терять время. Следовало немедленно предупредить императора, командующий поспешил в Гартман, столичную резиденцию и заодно ультрасовременный замок. Но оказалось поздно. Император уединился, запершись с кардиналом. Лау Вельеру доложили, что Легг Валтимор занят и никого принять не может.

Вельер явился вечером, в тот самый час, когда император играл в карты. Легг Валтимор был в выигрыше, и так как его величество отличался чрезвычайной скупостью, то и находился по этому случаю в прекрасном расположении духа.

– Подойдите-ка сюда, господин полковник! – выкрикнул еще издали заметив Вельера. – Подойдите, чтобы я мог хорошенько выбрать вас. Известно ли вам, что его преосвященство явился ко мне с жалобой на ваших Клериков и так волновался, что после разговора даже слег в постель? Да что же это за головорезы, инсекты какие-то ваши легионеры?

– Нет, ваше величество, – деланно сокрушался полковник, с первых слов поняв, какой оборот примет беседа. – Нет, как раз напротив. Они добрейшие создания, кроткие, как ангелы, и стремящиеся, ручаюсь вам, только к одному – чтобы шпаги их покидали ножны лишь для службы вашему величеству. Но что поделаешь? – тяжело вздохнул. – Адепты господина кардинала постоянно придираются к ним, и бедные молодые люди вынуждены защищаться, хотя бы во имя чести своего легиона.

– Послушайте, полковник! – повысил голос император. – Послушайте! Можно подумать, что речь идет о какой-то монашеской общине. В самом деле, дорогой мой Вельер, у меня появляется желание лишить вас благородного чина и пожаловать им мадемуазель Лау Емро, которую я обещал сделать настоятельницей монастыря. Но не воображайте, что я верю вам на слово. Меня, господин Вельер, называют Валтимором Рассудительным, и вот сейчас посмотрим...

– Именно потому, что я полагаюсь на эту рассудительность, терпеливо и с полным спокойствием буду ждать решения вашего императорского величества.

– Подождите минуточку, – среагировал на лезть Император – Я недолго заставлю ждать.

Счастье в игре к этому времени начало изменять императору, он начал проигрывать и был не против, да простят нам такое выражение, слинять из-за стола. Через несколько минут Легг Валтимор поднялся и, пряча в карман наличные и проверяя счёт на коммуникаторе, посмотрел на лежавшие перед ним средства и почти целиком выигранные, произнёс:

– Лау Виль, займите мое место. Мне нужно поговорить с господином Вельером о делах. Ах да, тут у меня лежало восемьдесят полноценных кредитов, поставьте столько же, чтобы проигравшие не пострадали!

Затем повернулся к полковнику.

– Итак, – заговорил, направляясь с ним к одному из окон, – вы утверждаете, что именно Адепты его преосвященства затеяли ссору с вашими Клериками?

– Да, ваше величество, впрочем как и всегда.

– Как же все это произошло? Расскажите. Ведь вам, наверное, известно, дорогой мой Вельер, что судья должен выслушать обоих участников.

– Господи боже мой! Все это произошло как нельзя более просто. Трое лучших моих солдат, имена их хорошо известны вашему величеству, имевшему не раз случай оценить их верность, а они, могу уверить ваше величество, всей душой преданы своей службе, – он прервался, делая акцент на сказанном. – Итак, трое моих солдат, господина Шосс, Басс и Росс, собирались на прогулку вместе с одним молодым грегорианцем, которого я как раз сегодня утром поручил их вниманию. Собирались, если не ошибаюсь, развлекаться и местом встречи назначили поляну около монастыря Рок. Внезапно откуда-то появился господин Сааки в сопровождении господина Баромира, Ромеля и еще двух Адептов. Эти несомненно уважаемые господа пришли туда такой многочисленной компанией, по-видимому, не без намерения нарушить закон.

– Понимаю, я только сейчас это услышал, – ответил император задумавшись. – Они сами собирались драться на дуэли?

– Я не обвиняю их, ваше величество, сами можете посудить, с какой целью пятеро вооруженных мужчин в экзоброне могут отправиться в уединенное место, как окрестности монастыря?

– Вы правы, Вельер, правы!

– Но, увидев моих Клериков изменили намерение, а личная вражда уступила место вражде между лучшими подразделениями. Вашему величеству ведь известно, что Клерики, преданны императору, и только императору, это исконные враги Адептов, преданных исключительно господину кардиналу?

– Да, полковник, да, – с грустью произнес император. – Очень печально видеть в Гранжире разделение на два лагеря. Очень печально, что у империи две головы. Но все это кончится, Вельер, все это кончится. Итак, вы утверждаете, что Адепты затеяли ссору с Клериками?

– Я говорю, что дело, вероятно, произошло именно так. Но с уверенностью утверждать не могу. Вы знаете, как трудно установить истину. Для этого нужно обладать той необыкновенной проницательностью, имеющуюся только у вас.

– Вы правы, Вельер. Но Клерики ваши были не одни. С ними был парнишка, почти ребенок.

– Да, ваше императорское величество, и один ранен, так что трое имперских легионеров, из которых один был ранен, и один мальчик, устояли против пятерых самых прославленных Адептов господина кардинала и даже уложили четверых.

– Да ведь это победа! – воскликнул император, просияв. – Полная победа!

– Разумеется, ваше величество, столь же полная, как у Э.

– Четыре человека, из которых один раненый и один почти, ребенок?

– Едва ли его можно назвать даже молодым человеком. Но вёл он себя во время этого столкновения великолепно, пожалуй я возьму на себя смелость рекомендовать его вашему величеству.

– Как его зовут?

– Лау Дартин, ваше величество. Это сын одного из моих самых старых друзей. Сын человека, который вместе с отцом вашего величества участвовал в войне с инсэктоидами добровольцем.

– И вы утверждаете, что этот юноша отлично держался? Расскажите мне поподробнее, Вельер, вы ведь знаете, что я люблю рассказы о войнах и сражениях.

И император Легт Валтимор, гордо откинувшись, покрутил ус.

– Ваше величество, – продолжал полковник, – как я уже говорил, господин Дартин ещё почти мальчик и, не имея чести состоять в легионерах, был одет как горожанин. Адепты господина кардинала, приняв во внимание его крайнюю молодость и особенно то, что он не принадлежит к полку, предложили ему удалиться, раньше чем они произведут нападение.

– Вот видите, Вельер, – перебил его император, – первыми напали точно они.

– Совершенно верно, ваше величество, сомнений в этом нет. Итак, они предложили ему удалиться, но он ответил, что он Клерик душой, всецело предан вашему величеству и, следовательно, остается с господами Клериками легиона.

– Славный мальчик! – прошептал Валтимор.

– Он действительно остался, и ваше величество приобрели прекрасного воина, ибо это он нанес господину Сааки тот удар палашом, который приводит в такое бешенство господина кардинала.

– Это он ранил Сааки? – изумился собеседник, – Он? Мальчик? Это невозможно, Вельер!

– Все произошло так, как я имел честь доложить вашему величеству.

– Сааки, один из лучших фехтовальщиков во всей империи Гранжир!

– Что ж, ваше величество, он наскочил на лучшего противника, превосходящего его.

– Я хочу видеть этого юношу, Вельер, я хочу его видеть, и если можно сделать для него что-нибудь, то мы займемся этим.

– Когда ваше величество соблаговолит принять его?

– Завтра в полдень, полковник.

– Привести его одного?

– Нет, приведите всех четверых вместе. Я хочу поблагодарить их всех сразу. Преданные люди встречаются нечасто, Вельер, и преданность заслуживает награды.

– В полдень, ваше величество, мы будем в Гартмане.

– На малой площадке у гравинаправляющих, полковник, у запасных платформ лифтов. Кардиналу незачем знать.

– Слушаюсь, ваше величество.

– Вы понимаете, что указ это все-таки указ. Ведь драться в конце концов запрещено!

– Но это столкновение, ваше величество, совершенно выходит за обычные рамки дуэли. Это стычка, и лучшее доказательство то, что их было пятеро, Адептов кардинала, против трех моих Клериков и господина Дартина.

– Верно, – сказал император. – Но все-таки, Вельер, паркуйтесь у запасных входов.

Полковник улыбнулся. Он добился того, что дитя возмутилось против своего учителя, и это было уже много. Он почтительно склонился перед императором и, испросив его разрешения, удалился.

Глава 5. Абсурд

В тот же вечер все три легионера были уведомлены о чести, которая им оказана. Давно уже зная императора, они не слишком волновались, но Дартин, при своем воображении грегорианца, узрел в этом событии предзнаменование будущих успехов, и всю ночь рисовал себе самые радужные картины. В восемь часов утра он уже находился у Шосса.

Выйдя заранее, Дартин поймал попутный гравикар, потратив один из сотой доли полного кредита. Поездка не заняла много времени и вскоре парень вышел на платформе рядом с развязкой и прогулялся по новейшему пешеходному рукаву. Прозрачный пол и стены с потолком позволили насладиться видом просыпающейся столицы. В пути ещё раз задумался о загадочной троице, скрывающей свои имена за кличками, а некоторые ещё и носят мужскую личину. Дартин даже склонялся к предположению, что как минимум Росс обращал внимание только на девушек. За раздумьями и созерцанием суеты просыпающегося муравейника людей он и очнулся у дверей лифта дома нового товарища.

Парень застал Клерика одетым и готовым к выходу. Так как приём у императора назначен на полдень, Шосс условился с Басс и Росс отправиться в ресторанчик около ангара лайтвариоров и поиграть там в мяч.

Пригласил Дартина пойти вместе, и тот согласился, хотя и не был знаком с этой игрой. Было всего около девяти часов утра, и он не знал, куда девать время до двенадцати. Боевые девушки в мужском облачении и маскировке, были уже на месте и перекидывались для забавы мячом с гравитационной начинкой.

Шосс, отличавшийся большой ловкостью, усиленной имплантами мускулатурой и повышающими реакцию с выносливостью, преуспевал в физических показателях, встал с Дартином по другую сторону площадки и предложил сразиться. Но при первом же движении хоть и играл левой рукой отбивая тренировочной рапирой брошенный болид, Клерик понял, что рана еще слишком свежа для такого упражнения. Дартин, в результате, остался один, и так как предупредил, что ещё слишком неопытен для игры по всем правилам, то два Клерика продолжали только перекидываться мячом, не считая очков.

Один из мячей, брошенных мощной рукой Басс, пролетая, чуть не коснулся лица парня, и юноша подумал, что, если бы мяч не пролетел мимо, а попал в лицо, аудиенция, вероятно, не могла бы состояться, так как он не был бы в состоянии явиться во дворец Гартман. А ведь от этой аудиенции, как представлялось его грегорианскому воображению, зависело будущее. Он учтиво поклонился Басс и Росс и пояснил, что продолжит игру, когда окажется способным помериться с ними силой. С этими словами отошел от ринга, заняв место среди зрителей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.